

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Жун Кан

Концепт зависть в русской языковой картине мира на фоне китайской

Выпускная квалификационная работа
магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Бойцов И.А.
Рецензент: доцент, к.п.н., Санкт-Петербургский
Политехнический Университет, кафедра РКИ
Смелкова И.Ю.

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	8
1.1 Понятие и типология Картины мира.....	8
1.1.1 Научная и наивная картина мира.....	17
1.1.2 Понятие Языковой картины мира.....	19
1.1.3 Национальная картина мира.....	22
1.2 Концепт как базовое понятие лингвокультурологии.....	26
1.2.1 Структура концепта.....	36
1.2.2 Классификации концептов.....	39
1.3 Лингвокультурологический анализ как метод описания концептов.....	46
1.4 Вывод.....	52
 ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЗАВИСТЬ».....	 54
2.1. «Зависть» в русской и китайской языковых картинах мира, стереотипные представления.....	 54
2.2. Экспликация концепта «зависть» в русских и в китайских пословицах и фразеологизмах.....	 57
2.3 Концепт «зависть» в русской и китайской художественной литературе	81

2.4. Образно-перцептивная составляющая концепта «зависть».....	87
2.5. Вывод.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	108
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	113

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена его включенностью в проблематику изучения семантических групп и концепта; частотностью исследуемых существительных в разговорной речи, публицистике и художественной литературе; проблемами в восприятии и усвоении единиц данной лексико-семантической группы иностранными студентами, что связано с особенностями семантики, разницей в прагматическом компоненте значения и национально-культурной спецификой употребления. Существительные с общим значением "зависть" в силу национального своеобразия их содержания представляют большой интерес для изучения в китайской аудитории. Семантические группы, объединенные этим значением, имеют богатую скрытую семантику, что порой приводит к неоднозначному переводу на другой иностранный язык. Многие из значений, входящих в эти группы лексем в сопоставляемых языках близки, однако, многие не совпадают. Рассмотрение особенностей семантики указанных единиц необходимо и с точки зрения преподавания русского языка как иностранного.

Объект и предмет

Объектом исследования являются лексико-семантические компоненты, составляющие, в частности, концепт «зависть» в русском языке и их

китайские соответствия. При этом большое значение будет уделяться лингвокультурологическому содержанию данного концепта в языковых картинах мира русского и китайского народов.

В качестве **предмета** исследования функциональный анализ лексико-семантических единиц, обеспечивающих содержательную составляющую концепта ЗАВИСТЬ в русском языке и соответствующие им китайские аналоги.

Материал исследования

Исследование концепта «зависть» проводится на следующем языковом материале: данные большого академического словаря русского языка (БАС) и маленького академического словаря (МАС); толкового двуязычного русско-китайского и китайско-русского словарей (Ефремова Т.Ф. новый словарь русского языка, Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка); словообразовательного словаря русского языка; словарей пословиц и поговорок; и также многочисленных примеров из современных газетно-публицистических текстов.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его результаты смогут помочь углубить понимание концепта "зависть" в

лингвистике. Разработанная в диссертации концепция является одним из первых ценностных междисциплинарных и системных исследований концепта «зависть» как феномена русской и китайской языковой картины мира.

Практическая ценность заключается в том, что данные полученные в результате исследовательской работы могут быть применены на практике в преподавании русского языка как иностранного, а также смогут помочь иностранным гражданам в освоении интенций современного русского языка и в понимании художественной литературы и газетно-публицистических текстов. Более того, выявленные особенности концепта «зависть» могут использоваться не только на уроках РКИ, но и при составлении учебных словарей по русскому языку для иностранных учащихся.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что эмоциональный концепт «зависть» в рамках концептологического подхода ранее не становился предметом отдельного исследования. Впервые на контрасте русского и китайского языков были определены лексические и метафорические средства его вербального выражения, при этом к анализу лингвистических средств рассматриваемого концепта был применен семантико-эмотивный подход.

Цель диссертационного исследования состоит в проведении сопоставительного анализа русского и китайского эмоционального концепта «зависть» как вербализованных образований, сложных в своей структуре. В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие **задачи**:

1. создать теоретическую базу исследования;
2. провести анализ семантической структуры исследуемого концепта в научном и обиходном сознании носителей русского и китайского языков, в газетно-публицистических текстах в русском и китайском языках;
3. провести анализ понятийной и образной составляющих концепта «зависть» в русском и китайском языках с точки зрения перевода ключевых слов указанного русского концепта на китайский язык;
4. выявить специфику концепта «зависть» в русской и китайской лингвокультурах.

Гипотеза и методы

В основу выполняемой работы положена следующая гипотеза. Предполагается, что в языковом сознании представителей русской и китайской лингвокультур существуют сходства, связанные с рассматриваемым концептом «зависть». С помощью методов

лингвистического анализа могут быть выявлены специфические и универсальные черты концепта «зависть». Также производится этнокультурная оценка культурных доминант поведения носителей китайского и русского языков.

Методы исследования: метод частичной выборки анализируемого материала из газетно-публицистических текстов; сопоставительный метод; статистический метод; словообразовательный анализ; компонентно-семантический анализ; ассоциативный эксперимент.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1 Понятие и типология Картины мира

Термин «картина мира» был введен физиком Г. Герцем, который определял его как множество внутренних образов внешних объектов, служащих для выведения суждений об их поведении. Позже этот термин был перенесен в сферу гуманитарных наук, и появился в работах Л. Вайсгербера, К. Ясперса и «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. В настоящее время понятие картины мира прочно входит в лингвистическую терминологическую систему. В научной литературе, помимо традиционного наименования «картина мира» используются и другие термины, такие как «образ мира» и «модель мира».

Начало изучения картины мира в России приходится на 60-е годы XX в. и связано с работами Г.В. Колшанского, Г.А. Брутяна и Р.Й. Павилениса. Как

правило, понятие картины мира определяют, как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» (Постовалова 1988: 21). Таким образом, картина мира представляет собой субъективный образ объективной реальности. Она входит в класс идеального, которое, все еще являясь образом реальности, становится предметным в знаковых формах, но при этом не запечатлевается в них полностью. Целостная картина мира реализуется как совокупность внетеоретических (религиозно-художественных), теоретических (философско-научных), и донаучных форм познания (М.В.Пименова. Терминология концептуальных исследований).

По В. фон Гумбольдту, язык - это способ видения мира. Подобную трактовку можно встретить в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, а также в работах этнолингвистов США. Неогумбольдтианская концепция языка как промежуточного мира также

показательна в этом смысле.

В XX в. в центр внимания лингвистов попадает вопрос о роли языка в становлении картины мира и формируются две точки зрения на способность языка отражать действительность. Одна из них утверждает, что язык отражает мир. Так, Г.Г. Почепцов высказывает мнение, что «с помощью языка мы отражаем мир. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание – это лишь одна из форм языкового отражения мира. Вопросы, побуждения – это такие же формы отражения, или представления, мира, как и все остальные речевые акты» (Почепцов 1990: 110).

Картина мира представляет собой специфическую систему представлений об окружающей действительности. Знаменитый австрийский философ Людвиг Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» впервые использовал это понятие. Он осознавал, что оно весьма метафорично и даже подчеркивал его сходство с «образом мира» - понятием из области

психологии (Маслова 2007:252).

Людвиг Витгенштейн утверждал, что мир представляет собой не сумму вещей, а сумму фактов, и определяется, соответственно, только ими. Это могут быть события или реальная действительность. В сознании формируются образы фактов, и они есть определенная модель действительности или «картина фактов», которая, в свою очередь, отражает структуру действительности и ее отдельных компонентов (цветовой, пространственный и др.) (Маслова 2007:252).

В монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» высказывается иное видение проблемы. Б.А. Серебренников в предисловии подчеркивает, что в понимании большинства исследователей язык - это инструмент, который способствует концептуализации мира.

Вопрос о соотношении мира-образа, закрепленного в языке и образа языка, существующего в сознании, возникает в связи с тем, что концептуализация осуществляется через язык. Как следствие, были выделены

две формы картин мира – языковая и концептуальная (она же - когнитивная).

В статье 1973 г. Г.А. Брутян одним из первых разграничивает их. По его мнению, это позволяет раскрыть взаимоотношение мышления и языка, избежать схематичности при воссоздании картины мира, показать роль языка в ее формировании в человеческом сознании, а также более полно представить в нашем сознании проекцию действительности (Брутян 1973: 108).

Г.А. Брутян понимал концептуальную картину мира как «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании» (Брутян 1973: 108). То есть языковая картина мира определяется им как закрепленные различными средствами языка сведения о внешнем и внутреннем мире. Разграничение этих двух понятий влечет за собой вопрос об их соотношении, и таким образом к данной проблеме формируется три подхода.

Первый подход, по Г.А. Брутяну, состоит в том, что языковая картина мира является более широким понятием, чем концептуальная. Он говорит о том, что последняя служит фундаментом первой, то есть состав языковой модели мира «покрывает» весь состав концептуальной модели мира. В понимании исследователя периферийные области являются носителями добавочной информации и оказываются за пределами концептуальной картины мира. Одновременно информация, которая принадлежит обеим картинам мира, является инвариантной вне зависимости от языка, на котором выражается, а информация, которая содержится за пределами концептуальной картины, в периферийных участках языковой, меняется от языка к языку (Брутян 1973: 109–110).

Второй подход основывается на схожести языковой и концептуальной картин мира. В работе Г.В. Колшанского можно частично проследить этот взгляд на проблему. Исследователь утверждает, что «в гносеологическом плане действительно не отношение "язык-мышление", а "языкомышление –

мир"» и «правильно поэтому говорить не о языковой картине мира, а о языково-мыслительной картине мира» (Колшанский 1990: 37). Однако позднее автор признает, что «языковая картина мира есть вторичное существование объективной картины мира» (Колшанский 1990: 40). Таким образом доказывается зависимость языка от мышления.

В третьем подходе концептуальная картина мира мыслится как более широкая, чем языковая. Этому взгляда придерживается большинство исследователей (Почепцов 1990, Попова, Стернин 2002, Серебренников 1988, Телия 1988). По Г.Г. Почепцову языковое представление мира «информационно неполно и / или неточно», по причине того, что «отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т. е. его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» (Почепцов 1990: 111–112).

По мнению В.Н. Телия, «то, что называют языковой картиной мира, это

информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители языка. Языковая картина мира не имеет четких границ, поэтому ее место относительно концептуальной картины мира не может быть определено как периферия» (Телия 1988: 177–180). И.А. Стернин и З.Д. Попова добавляют также, что далеко не все, что входит в концептосферу будет находить выражение в языке, многие концепты оказываются за пределами языка. (Попова, Стернин 2003: 6).

Мнения о несовпадении концептуальной и языковой картин мира придерживается подавляющее большинство ученых. Отмечается также, что, в сравнении с языковой, концептуальная картина мира более глобальна. Ведь как метаязык беднее естественного, так и репрезентирующая система будет

более бедной, чем репрезентируемая. В данном случае, концептуальный мир репрезентирует объективный, а языковой – концептуальный.

Различия обеих картин мира могут быть охарактеризованы по пяти параметрам:

1. Отношение к действительности: языковая картина мира является более далеким образом действительности по сравнению с концептуальной (как указано выше).

2. Характер восприятия действительности: создание концептуальной картины мира происходит через непосредственное восприятие, в то время как в языковой оно опосредовано языковыми знаками.

3. Участие тех или иных типов мышления: в формировании языковой картины мира участие принимает исключительно вербальный тип. Концептуальная не ограничивается им и включает в себя также и невербальные типы (Постовалова 1988: 33, Серебренников 1988: 6).

4. Структурные составляющие: Г.А. Брутян обращает внимание на то, у обеих картин мира есть свои основные единицы. Так, например, «сердцевиной КМ является информация, данная в понятиях, главное же в ЯКМ – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» (Брутян 1973: 108).

5. Степень изменчивости и подвижности: концептуальная картина мира подвержена изменениям намного больше языковой. Она нестабильна и постоянно обновляется вслед за переменами в сознании человека. Тот факт, что языковая картина мира, наоборот, является устойчивой и постоянной, Н.В. Черемисина и Н.С. Новикова связывают с тем, что в ней воспроизводятся наиболее стандартизированные, узусальные единицы языка (Новикова, Черемисина 2000: 45).

Другой задачей, стоящей перед исследователями картин мира, является их классификация, или типология. Ее решение зависит главным образом от параметров, которые берутся за основу той или иной типологии. По мнению

В.И. Постоваловой, на основании деятельностной парадигмы можно выделить следующие параметры:

- 1) субъект картины мира (он же «деятель», «кто»), изображающий;
- 2) предмет картины мира (он же «объект», «что»), изображаемое;
- 3) результат деятельности (образ, непосредственно картина)

(Постовалова 1988: 32).

По параметру субъекта можно выделить картину мира одного, отдельно взятого человека, какого-либо сообщества, народа, группы людей или даже всего человечества. Картины мира будут различными у ребенка и взрослого человека, у здорового человека и больного, у современных людей и людей более древних цивилизаций и эпох.

Предметом в данном случае может стать как весь мир (целостная картина мира), так и его часть (локальная картина мира), определенный аспект или срез. Мифологические, философские и религиозные картины

мира, наравне с научной физической, служат примерами целостных картин (Постовалова 1988: 33).

По результату какой-либо деятельности можно определить:

1) одинаковыми или разными «глазами» смотрят на мир субъекты этой деятельности;

2) с одной или разных точек пространства они смотрят на мир; неподвижна эта «точка зрения» или же перемещается за изображаемым;

3) с одинаковых или разных глубины и расстояния смотрят они на мир;

4) является их изображение мира гомогенным или гетерогенным

(Постовалова 1988: 34).

В иерархии языковых картин мира Н.С. Новикова и Н.В. Черемисина обнаруживают следующие оппозиции: идиоэтническая и универсальная, общенациональная и социальная.

1.1.1 Научная и наивная картина мира

Противопоставление научной картины мира, то есть системы понятий, которая представлена в психологии, геометрии, физике, логике, биологии и других научных областях знания, и «наивной», то есть обыденной понятийной системы (наивными могут быть также психология, геометрия, физика, логика, биология), используемой человеком изолированно от науки, выходит на первый план во многих работах, связанных с языковой картиной мира (Яковлева 1994: 9). Закономерно, что разграничение понятия научной и «наивной» картин мира уже закрепилось в лингвистике.

Важнейшие достижения в области науки составляют основу научной картины мира. Она помогает нам упорядочивать наши знания об окружающем нас мире. Ее можно назвать особой формой систематизации знаний, ведь она представляет собой многогранную структуру, включающую в себя как общенаучную картину мира, так и картины мира самостоятельных наук, неотъемлемой частью которых являются отдельные

постоянно развивающиеся научные концепции. Религиозные концепции в значительной степени отличны от научной картины мира, так как в их основе заложен не практический эксперимент или опыт, позволяющий делать выводы о достоверности тех или иных теорий, а исключительно вера в какие-либо священные тексты.

«Наивная» картина мира находит свое отражение в языке и при этом носит донаучный характер. Таким образом в языке можно проследить духовный и материальный опыт какого-либо народа. Ее отличия от научной картины мира весьма существенны. Научная совершенно независима от языка и может совпадать у разных народов. Наивная же создается под влиянием традиций определенной исторической эпохи той или иной нации, ее культурных ценностей, и находит свое отражение, как уже было сказано, главным образом, в языке. При произнесении слов носитель любого языка, осознанно или бессознательно, выражает определенное содержащееся в них воззрение на мир.

Так, например, для носителей русского языка очевидна неразрывная связь интеллектуальной жизни с головой, а эмоциональной — с сердцем. Голова служит для «хранения и обработки» информации. В русском языке сердце не может быть светлым или умным, а голова — доброй, золотой или ледяной. Для сравнения, в китайском языке такая же ситуация: для описания сердца и головы используются схожие эпитеты. Мы не испытываем чувств головой — для этого у нас есть сердце, которое может болеть, ныть, щемить или же быть местом зарождения надежды. Голова служит для того, размышлять; про человека, способного здраво рассуждать, говорят «светлая голова», а о человеке, не наделенном ей, — «ветер», «каша» в голове, «без царя в голове» или вовсе «без головы на плечах». У человека голова может пойти кругом (晕头转向 перевод), например, в ситуации, когда успех ему вскружил голову (被胜利冲昏了头脑 перевод). Голову можно и потерять совсем. Характерно, что это чаще всего происходит с влюбленными, у которых руководящим органом становится уже не голова, а сердце.

Выражения «вылетело из головы», «выкинуть из головы», «держать в голове» служат подтверждением того, что голова русским народом воспринимается как орган памяти. В этом состоит одно из отличий русской языковой модели от архаичной западноевропейской, в которой органом памяти считалось сердце (английское выражение «learn by heart» означает «учить наизусть»). В азиатских языках, в особенности в китайском, сердце также является органом памяти (烂熟于心 – «учить наизусть», 心灵深处的记忆 – «память, хранящаяся глубоко в сердце (душе)»). В китайских пословицах можно встретить мысль о том, что «妒由心生 зависть рождается в сердце (душе)». Мы думаем, что сердце выступает как некое хранилище души. Это свойственно и русской культуре: эмоции и чувства здесь также рождаются в душе или сердце. Для примера можно привести русские пословицы «сердце изнывало от зависти», «на словах - сладость, а на сердце – зависть».

1.1.2 Понятие Языковой картины мира

Существует много дефиниций понятия языковая картина мира.

Практически каждый исследователь, изучающий эту проблему, предлагает свое определение.

Способ видения и восприятия мира тем или иным народом всегда будет находить свое отражение в его языке. При этом, носители данного языка будут разделять (иногда сами того не осознавая) это мироощущение, ведь помимо семантики лексических единиц в этой системе взглядов на окружающую действительность определенную нагрузку несут морфологическая и синтаксическая системы языка, а также наличие или отсутствие тех или иных грамматических категорий, особенно словообразовательных моделей языка. Все эти составляющие входят в понятие языковой картины мира.

Многие исследователи отмечают многообразие различных осмыслений и определений картины мира и языковой картины мира, в частности. В

данном исследовании планируется придерживаться точки зрения Е.С. Яковлевой, по мнению которой, под **языковой картиной мира** понимается «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Таким образом, **языковая картина мира** - это своего рода мироведение через призму языка» (Яковлева 1996:47). Похожий подход можно найти у Ю.Д. Апресяна: «Носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков». (Апресян 1995)

По мнению О.А. Корнилова, «**языковая картина мира** – это вербализованная система матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» (Корнилов 2003:81).

Отличительные черты национальных культур можно выявить путем анализа языковой картины мира. Важен также и тот факт, что языковая картина мира динамична, одни ее фрагменты складываются и проясняются с

течением времени; другие, напротив, затемняются, что требует особенно пристального внимания исследователя.

Изучение языковой картины мира дает возможность реконструировать национальную картину мира, и следовательно – приблизиться к постижению ментального и культурного своеобразия данного языкового сообщества. У каждого народа свой специфический способ представления мира. Это обусловлено различными факторами: природными, социальными, культурными и этнопсихологическими.

Доктор филологических наук В. А. Маслова делает вывод, «что языковая картина мира отчасти национально специфична. Но для сознания ее носителей она представляется не как интерпретация мира, а как двойник мира. Поэтому осознать ее национальную специфику можно лишь при сопоставлении картин мира разных народов» (Маслова 2007:259).

В настоящее время традиционно выделяют два основных направления

изучения **языковой картины мира**. Во-первых, ученые проводят исследования характерных для данного языка, вербализованных в языковой картине мира концептов. Во-вторых, ведется поиск и реконструкция взгляда на действительность, присущего языку (Апресян 1995:50).

Вербализация концептов может происходить на разных уровнях, но наиболее явно и информативно насыщенными являются концепты, представленные лексическими именами концептов. Перейдем к описанию концепта.

Только несколько лет назад в Китае начали исследовать тему «языковая картина мира», которая пришла из России. Пока это не является активной областью изучения. В данный момент существует малое количество опубликованных работ в этом направлении. Тема «языковая картина мира» - перспективная область исследования лингвистики.

1.1.3 Национальная картина мира

Большинство ученых признает существование национально-специфичных картин мира. По словам Н.Д. Арутюновой, “естественный язык отражает мир человека в его национально специфических вариантах” (Арутюнова 1995:33). Однако это не единственное мнение по данной проблеме. Так, Г.В.Колшанский придерживается противоположной точки зрения и отрицает возможность уникального мировосприятия отдельными народами. Он аргументирует это положением о том, что для людей характерно схожее мышление, и убежден, что нет никакой связи между различиями народов в трудовом и социальном опыте и их картиной мира (Колшанский 1990).

Национальная картина мира – это нечто одинаковое, общее в картинах мира отдельных представителей одного народа. Из этого следует, что национальная картина мира представляет собой некоторую абстракцию с одной стороны, и когнитивно-психологическую реальность – с другой. Эта

реальность обнаруживается в познавательной и мыслительной деятельности народа, а также в его вербальном и физическом поведении. Национальная картина мира отражена в единообразии поведения отдельных личностей в тех или иных стереотипных ситуациях, в представлениях этого народа об окружающей действительности, в общепринятых мнениях о мире, пословицах и поговорках, а также в расхожих высказываниях и афоризмах (З.Д. Попова, И.А. Стернин 2002: 11). Факт наличия национальной когнитивной картины мира является неоспоримым для подавляющего числа исследователей этой области. Они всё чаще приходят к выводу о том, что "наша собственная культура задаёт нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую "картину мира" (Н.М. Лебедева 1999: 21). Так, все представления и стереотипы, которые задаются культурой в ходе восприятия и понимания действительности человеческим сознанием, и составляют национальную когнитивную картину мира.

В любом языке можно найти проявления как общечеловеческой, так и национальной социальной сущности человека (Сиротинина, Кормилицына, 1995:15). Поэтому, при проведении сопоставительного анализа национальных картин мира всегда обнаруживаются как совпадения, так и значительные отличия, что вполне закономерно ввиду того, что в языке фиксируется не только уникальный культурный и социальный опыт народа, но и опыт всего человечества. Объединяющим фактором может стать вхождение отдельных лингвокультурных сообществ в состав более обширных образований. Помимо этого, нельзя исключать и многочисленные контакты культур и их представителей как причину объединения некоторых языковых сообществ в ходе исторического развития. Поэтому неудивительно, что при сравнении национальных картин мира разных народов наряду с уникальными чертами обнаруживаются и периферийные, и универсальные категории.

Говоря о понятии национальной картины мира необходимо также затронуть вопрос соотношения концептосферы, национального менталитета, и картины мира.

Термин «менталитет» приобрел большую важность как в научных работах, так и в публицистике последних лет. Тем не менее, все еще не существует однозначной дефиниции этого понятия, и его содержание нельзя назвать четко определенным.

В настоящей работе термин «*менталитет*» мы определяем, как особый способ восприятия и понимания действительности, который характеризуется совокупностью когнитивных стереотипов сознания определенной личности, или какой-либо социальной или этнической группы людей.

Менталитет в значительной степени обуславливает восприятие услышанной человеком информации.

Так, например, понятие «новый» воспринимается американцами как «улучшенный», «лучший», а русскими – как «непроверенный», «неизвестный». Карикатура – влюбленная пара целуется на скамейке – в китайской газете, европейским менталитетом будет расценена как критика распущенной молодежи, в то время как китайцы поймут это как изображение проблемы недостатка жилья в стране.

Таким образом, менталитет можно определить, как сумму принципов, на основании которой осуществляются суждения и оценки. Менталитет, равно как и концептосфера, - это ментальное явление. Он дополняет собой формируемую концептосферой национальную картину мира.

Необходимо также провести границу между национальным *менталитетом* и национальным *характером*. Она, в нашем понимании, состоит в следующем: менталитет представляет собой часть концептуального, логического аспекта сознания, а характер в большей степени связан с эмоционально-психологической составляющей. По сути,

национальный характер есть сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения.

Национальное *поведение* народа, следовательно, определяется как проявление национального характера и менталитета в стереотипных ситуациях. Стоит отметить, однако, что поведение опосредовано как логическим, так и эмоционально-психологическим аспектом сознания, и потому разграничение менталитета и характера, хотя и необходимое во многих случаях, является в большой мере условным.

Национальная картина мира включает в себя и национальный менталитет, и национальную концептосферу. Тем не менее, несмотря на то, что эти два понятия тесно связаны между собой, они являются разными сущностями, и поэтому для их изучения необходимо применять разные методы и подходы. Возможно, что понятие менталитета в большей степени принадлежит сфере национальной и социальной психологии, чем сфере лингвистики, психолингвистики, или же когнитивной лингвистики.

1.2 Концепт как базовое понятие лингвокультурологии

Познавательная деятельность человека всегда направлена на развитие способности ориентироваться в мире. Она также обусловлена необходимостью сопоставлять, отождествлять и различать объекты. Для обеспечения подобного рода операций и существуют концепты.

В настоящее время большое количество работ в области лингвистике посвящается всестороннему анализу слов, служащих выражением ключевых понятий национальных культур. Такие концепты как любовь, грех, добродетель, зависть, ревность, законность, честность, правда, истина, ложь, обман, позор, справедливость, счастье, душа, и другие становятся предметом многочисленных исследований.

Естественно, что слово «концепт», так же, как и его производящий глагол, существует не только в романских языках, но и в английском, и в русском. При вхождении его в русский язык произошел процесс семантического калькирования, то есть внутренняя форма иностранного

слова была воспроизведена морфемными средствами русского языка (Стенанов 1997:40).

Большой простор для научного толкования дает тот факт, что концепт – это мыслительная, ненаблюдаемая категория.

Слово *conceptus* – позднелатинское, является средневековым производным причастием (*ecclesiastique* – Lexis 1993: 393) от глагола *concipere* – *concapere* «собирать», «схватывать», «загораться», «задумывать», «зачинать». В классической латыни, однако, оно зафиксировано лишь в значениях «водоём», «воспламенение», «зачатие» и «плод (зародыш)» (Дворецкий 1949: 195). С пометой «лог.» и «книжн.» статью о концепте можно найти в «Большом толковом словаре русского языка», однако в традиционных толковых словарях русского языка статья отсутствует (БТСРЯ 1998: 454).

Термин *концепт* в лингвистике является и старым, и новым одновременно. В 1928 г. вышла в свет статья «Концепт и слово» С.А. Аскольдова. Однако, несмотря на многие старания ученого в этой области, поднятый им вопрос долгое время оставался без внимания. Понятие «концепт» вошло в терминологическую базу лингвистической науки только к середине XX века.

В своей статье С.А. Аскольдов утверждал, что проблема природы *концептов*, или *общих понятий* (они же «*универсалии*» в средневековой терминологии) не нова. Заостряя внимание на заместительной функции концепта, исследователь определяет его как «мысленное образование», замещающее в процессе мыслительной деятельности неопределенное множество предметов сходного рода (Аскольдов 1997:267).

Первоначально термин «концепт» отождествляли с термином «понятие». Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В.Н. Ярцевой термину «понятие» дается синоним «концепт» (Ярцева 1990: 380).

Тем не менее, их отличие, на наш взгляд, несомненно. Понятие отражает только наиболее существенные и логически конструируемые признаки объектов и явлений. Концепт же может отражать любые, необязательно существенные их признаки.

Полагаем, что в настоящее время неоспорим тот факт, что термин *концепт* является ключевым понятием для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Дело в том, что *концепт*, будучи ненаблюдаемой и многогранной категорией, фигурирует в исследованиях многих областей: философии, логики, психологии, культурологии, и потому содержит в себе следы всех интерпретаций, находящихся за пределами лингвистики.

Д. С. Лихачев словом «*концепт*» обозначал обобщенную мыслительную единицу, отражающую и интерпретирующую явления действительности в зависимости от различных характеристик носителя

языка, таких как уровень его образованности, личный и профессиональный опыт. Эта единица, будучи своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальном сознании отдельно взятой личности, позволяет людям в процессе коммуникации преодолевать характерные различия в понимании слов каждым человеком. По мысли Д. С. Лихачева, концепт рождается не из значений слов, а является продуктом взаимодействия усвоенного значения и жизненного опыта личности. Таким образом, в коммуникации концепт выполняет заместительную функцию (Лихачев 1993: 3).

Е. С. Кубрякова предлагает понимать концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания». Самые важные концепты, по ее мнению, находят свое выражение в языке (Кубрякова 1997, 90).

Дадим ряд дефиниций термина, предложенных разными исследователями. Концепт – это идея, включающая в себя как эмоционально-

оценочные, так и конкретно-ассоциативные и абстрактные признаки, а также историю понятия в сжатом виде (Степанов 1997: 412); концепт – это абстрактное понятие науки, сформированное на основе определенного бытового понятия (Соломоник 1995: 246); концепт – суть понятия, репрезентированная в образе или символе – то есть в своих содержательных формах (Колесов 2004: 19); концепты – это так называемые «культурные гены», являющиеся частью генотипа культуры. Это формообразования на понятийной или псевдопонятийной основе, многомерные, функционально-системные и идеализированные (Ляпин 1977: 17).

В работах А. А. Залевской концепт отождествляется с перцептивно-когнитивно-аффективным образованием, характеризующимся динамичностью и существующим в человеческом сознании, на контрасте с понятиями и значениями как продуктами научного описания (конструктов) (Залевская 2001: 39).

В одном из последних исследований нейронную основу концепта А. А. Залевская описывает как активизацию отдельных нейронных ансамблей, которые рассредоточены в отдельных участках мозга, но при этом составляют единый набор. Слово или какой-либо другой знак обеспечивают доступ ко этим участкам. С позиций психолингвистики в центре внимания оказывается индивидуальная составляющая концепта - «многомерная симультанная структура. Концепт - это достояние индивида» (Залевская 2001: 43).

С. Г. Воркачев дает дефиницию термина как «операционной единицы мысли» (Воркачев 2004: 43), а также «единицы коллективного знания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой» (Воркачев 2004: 51-52). По мысли ученого, при условии отсутствия этнокультурной специфики у ментального образования, оно не может быть причислено к концептам.

М. В. Пименова в одной из своих работ пишет, что концептом называются все знания, мнения и установки человека относительно

различных объектов внешнего и внутреннего мира. Иначе говоря, концепт - это «представление о фрагменте мира» (Пименова 2004: 8).

По мнению Е.И. Зиновьевой, термин «концепт» сложен для четкого описания в силу отсутствия у него существенных признаков, то есть содержания. Кроме того, его объем не ясен. Вслед за В.В. Колесовым исследовательница приходит к мысли, что концепт есть «смысл, который может существовать в различных формах в нашем ментальном мире, сознании в форме представления, образа, символа или понятия» (Зиновьева 2009: 88).

В.В. Колесов отделяет узкое понимание концепта как понятия, которое обростает объемом по мере развития и актуализации отдельных семантических признаков в речи, от широкого понимания, в котором концепт «выражает со-значения “национального колорита”, (например, начать жизнь с чистого листа), т.е. все принципиально возможные значения в символично-смысловой функции языка как средства мышления и общения». Кроме того,

концепт по В. В. Колесову – это «исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» (Колесов 1999: 157).

В.Н. Телия придерживается точки зрения на концепт как на явление идеальное (а значит присущее любому человеческому сознанию, а не только языковому) и на результат человеческой мысли. Концепт выступает как конструктор. Вместо воссоздания, через свое языковое выражение и внеязыковое знание он осуществляет «реконструкцию».

Помимо этого, можно назвать следующие определения термина:

концепт – понятие, объясняющее ментальные или психические единицы ресурсов нашего сознания, а также отражающую знания и опыт личности информационную структуру;

концепт – оперативная содержательная единица языка, ментального лексикона, системы мозга, памяти, и в целом всей картины мира, как части человеческой психики;

концепт – вербализованный, культурно значимый смысл, выражаемый посредством ряда своих языковых реализаций, которые в свою очередь образуют лексико-семантическую парадигму; выраженная в языке единица коллективного знания, которой присуща определенная этнокультурная специфика.

Таким образом, можно говорить о том, что термин «концепт», пришедший в лингвистику из философии и логики, в настоящее время переживает период актуализации и переосмысления.

Приведенные определения делают возможным выделение некоторых постоянных признаков понятия «концепт»:

1) это минимальная единица опыта человечества в его идеальном представлении, имеющая полевую структуру и актуализируемая посредством лексических единиц;

2) это основные единицы передачи, обработки и хранения информации;

3) его границы непостоянны, а функции четко определены;

4) оно в большой степени социально; прагматика понятия обуславливается его ассоциативным полем;

5) это «основная ячейка культуры» (Маслова 2001: 46-47)

На основании этого можно сделать вывод о том, что концепты представляют действительность в человеческом сознании, тем самым формируя концептуальную систему, а языковые знаки служат кодировкой содержания этой системы в словах.

Отсутствие единой дефиниции термина связывается в первую очередь с тем, что он характеризуется сложной структурой, в которой присутствует (наравне с понятийной основой) социопсихокультурная составляющая. Эта составляющая переживается человеком на эмоциональном уровне в большей степени, чем обрабатывается в мыслях – ей принадлежат ассоциации, оценки, а также характерные для данной культуры образы и коннотации.

Появление концептов в сознании личности связано с его социальной деятельностью, жизненным опытом. Так, источникам концептов можно считать:

- а) чувственное восприятия мира посредством органов чувств;
- б) предметную деятельность личности;
- в) мыслительные операции с концептами, наличествующими в сознании;
- г) языковое знание (получение концепта извне посредством языковых средств);
- д) сознательное познание языковых единиц (Попова, Стернин 2007: 215).

Всякий концепт содержит в себе совокупность смыслового наполнения форм выражения в обобщенной форме в естественном языке, а также в непосредственно связанных с языком и предопределенных им сферах

деятельности человека; Он предстает как продукт соединения личного и этнического опыта носителя языка со словарным значением того или иного слова, и является отражением языкового опыта индивида в его сознании.

Концептосфера определяется Д.С. Лихачевым как множество так называемых «потенций», то есть возможностей домысливания смыслов, существующее в словарном запасе отдельно взятого человека или языка в целом.

Что касается критериев классификации концептов и их концептосфер, то здесь существует несколько подходов. По тематическому критерию можно выделить образовательную, военную, научную и другие концептосферы. По принципу носителя существуют концептосферы индивидуальные, микро- и макрогрупповые, а также национальные, цивилизационные и общечеловеческие. В разных видах дискурса (они могут быть самыми различными: судебный, религиозный, рекламный, медицинский, политический и другие) также образуются соответствующие концептосферы. Стоит отметить, что и его иногда рассматривают и как определенную

совокупность апелляций к концептам, и как самостоятельный концепт, сформировавшийся в сознании носителей языка.

Таким образом, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов 1997: 40).

1.2.1 Структура концепта

Концепту присуща структурная сложность. К его структуре, с одной стороны, принадлежит все, что характерно для строения любого понятия; но с другой стороны, в нее входит и исходная форма, то есть все то, что делает его фактом культуры, история, выраженная основными признаками содержания, а также современные ассоциации и оценки.

По мысли Р.И. Павлениса, усвоение смысла (концепта) означает построение некоторой структуры, в состав которой в качестве интерпретаторов входят уже имеющиеся концепты (анализаторы)

рассматриваемого концепта. При этом новый концепт как бы вводится извне в уже существующую систему концептов, и таким образом происходит конструирование этой системы (Павиленис 1983: 101).

Компонентами концепта, его концептуальными признаками, являются репрезентированные в сознании индивида отдельные признаки объективного и субъективного мира, которые могут быть охарактеризованы разной степенью абстрактности. Следовательно, прикладным результатом когнитивно-лингвистического исследования может стать описание того или иного концепта, рассматриваемого как элемент национальной концептосферы.

Строение концепта можно назвать «слоистыми». Каждый слой является «осадком», результатом культурной жизни той или иной эпохи. Концепт, таким образом, складывается из слоев, различных в историческом плане, по времени образования, происхождению и семантике. У него особая структура, в которую входят следующие компоненты:

-
- основной (актуальный) признак;
 - дополнительный (исторический, пассивный) признак;
 - внутренняя (часто не осознаваемая человеком) форма

(Степанов 1997: 21).

Перцептивный и когнитивный образ в структуре концепта составляют *образный концепт*, и в одинаковой степени отражают образные характеристики предмета или явления, подвергающегося концептуализации.

Перцептивный образ включает в себя образы зрительные, звуковые, обонятельные, тактильные и вкусовые (арбуз сладкий, комната большая, лето теплое, диван мягкий и т.д.).

Когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру (Пименова 2001: 350).

В связи с тем, что концепт является предметом исследования культуры, в основе которой лежит ценностный принцип, центром понятия концепта также становится ценность. О наличии этого ценностного отношения

свидетельствует факт применимости к понятию оценочных предикатов.

Говорить о том, что феномен формирует в определенной культуре концепт можно только в том случае, если носители этой культуры могут его каким-либо образом оценить, то есть сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т.д.). Помимо упомянутого ценностного фактора, в составе культуры также выделяются фактуальный и образный элементы.

По причине того, что лингвокультурный концепт сам по себе многомерен, к определению его структуры возможно применить различные подходы. Помимо смыслового содержания, любой концепт, будучи сложным ментальным комплексом, включает в себя еще и отношение человека к отражаемому объекту, его оценку этого объекта и другие компоненты, а именно:

1. универсальный (общечеловеческий);
2. национально-культурный (определяется деятельностью человека в определенной культурной среде);

-
3. социальный (обусловлен вхождением языковой личности в определенную социальную категорию);
 4. групповой (обусловлен принадлежностью человека к некой возрастной и половой группе);
 5. индивидуально-личностный (формируется в зависимости от индивидуального опыта человека: его образования, воспитания и психофизиологических особенностей).

1.2.2 Классификации концептов

Вопрос классификации (типологии) концептов был одним из первых теоретических вопросов, которые в ходе своего становления ставила перед собой когнитивная лингвистика. Попытки определения термина «концепт» и его ментальных особенностей неразрывно связаны с проблемой типологии концептов, поэтому мы уделим ей большое внимание.

Вследствие активного развития когнитивной лингвистики, множественных анализов сущности слова «*концепт*» и типологии концептов,

можно говорить о том, что *концепт* – термин в определенной степени собирательный, он объединяет в себе различные ментальные явления, которые служат структуризации системы знаний и представлений в сознании человека или группы людей.

У ученых нет разногласий в том, что концепты – это единицы мыслительного процесса, которые, несмотря на возможные различия в плане содержания и организации, сохраняют свои базовые функции единиц ментальной деятельности человека и структурирования знания. Их классификация потому возможна и необходима, что репрезентируемые концептами типы знания различны.

Для лингвокогнитивного исследования концептов большую значимость имеет классификация по характеру «наблюдаемости» с точки зрения человека, их объективированности. В соответствии с ней концепты делятся на *вербализованные* и *невербализованные*. Для выражения первых в системе языка закрепились определенные языковые средства, регулярно

используемые в коммуникативном процессе в одной языковой форме. Вторые же либо не имеют устоявшихся средств языкового выражения, либо имеют только косвенные способы языковой объективации и вербализуются в условиях искусственной задачи. Для настоящего исследования интерес будет представлять именно вербализованный концепт.

В рамках классификации концептов по признаку содержания или степени отражения в них фрагментов действительности, А. П. Бабушкин выделяет мыслительные картинки, фреймы, инсайты, схемы, гиперонимы, сценарии и калейдоскопические концепты (Бабушкин 1996: 43.)

На каких бы основаниях ни классифицировались концепты, все из них будут отражать «когнитивную реальность». На наш взгляд, наиболее значимой будет классификация по типу знания, по типу отражения ими действительности, потому как именно по этим характеристикам как правило выделяются и описываются концепты.

По нашему мнению, целесообразно ввести следующую классификацию концептов:

Представление – это собирательный чувственно-наглядный образ того или иного предмета или явления.

Концепты-представления объективируются в языке главным образом с помощью лексических единиц определенной семантики. Словарные дефиниции тех или иных лексем свидетельствуют о том, что их план содержания отражает не что иное, как представление. Большая их часть практически полностью состоит из чувственных признаков определяемого предмета или явления: дрожь – частое судорожное вздрагивание тела, клен – лиственное дерево с широкими резными листьями, ласточка – перелетная птица с узкими, острыми крыльями, юркая и быстрая в полете.

Схемой является концепт, репрезентированный некой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой. По сути, это

гипероним с ослабленным образом, то есть, к примеру, дерево *вообще*, образ дерева как ствола и кроны, образ реки, изображаемый как протяженность, лента. Схематический же образ человека составляют тело, руки, ноги и голова. Н. Н. Болдырев дает схеме следующее определение: «мыслительный образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» (Болдырев 2004: 36).

Понятием называется концепт, отражающий наиболее существенные признаки объектов и результат их рационального отражения и осмысления в человеческом сознании. Например, квадрат – равносторонний прямоугольник, а самолет – летательный аппарат с несущими плоскостями.

Под фреймом понимается многокомпонентный концепт, воспринимаемый как совокупность и целостность его компонентов. Он является объемным представлением, совокупностью общих знаний о предмете или явлении. Например, *магазин* (компоненты – покупать, продавать, товары, стоять, цена и др.), *стадион* (устройство, внешний вид,

поле для игры на нем и др.). Также фреймами могут быть *ресторан, кино, поликлиника, больница или экзамен.*

Сценарий (скрипт) – цепочка нескольких последовательных стереотипных эпизодов. Здесь рассматриваются эпизоды, характеризующиеся движением, развитием. Их можно назвать фреймами, которые во временном и пространственном измерении предстают как ряд каких-либо последовательных элементов этапов: *посещение кино, поездка в другой город, поход в ресторан, поликлинику, экскурсия, драка, игра. Стадион* – это фрейм. Как только появляется признак действия – *посещение стадиона, занятия на стадионе, реконструкция стадиона* и прочее – он становится сценарием.

Гештальт – целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие различных явлений в сознании. Термин «гештальт» был введен австрийским искусствоведом Х. Эренфельсом в конце XIX века. Его можно также определить, как целостный образ, объединяющий

в себе динамические и статические, а также чувственные и рациональные аспекты конкретного объекта или явления.

Исследования показывают, что значения слов связываются человеком с чувственно воспринимаемыми явлениями, которые в сознании преобразуются в целостную картину. Как правило, гештальтами становятся концепты, объективированные лексемами «очередь», «игра», «пытка», «любовь», «судьба» и тому подобными. Таким образом, мы перечислили основные виды концептов, выделяемые по характеру концептуализируемой информации.

Н. Н. Болдырев также разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, понятия схемы, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты, прототипы и пропозиции, (Болдырев 2004: 38).

В анализируемом нами концепте «зависть» можно обнаружить все эти типы.

Основанная на степени абстрактности содержания типология концептов подразумевает *абстрактные* (ментефакты) и *конкретные* (натурфакты и артефакты) концепты. Рассматриваемый нами концепт «зависть» принадлежит к группе абстрактных.

В рамках лингвокогнитивного исследования важной является классификация концептов по их принадлежности к той или иной группе носителей. По данному признаку разграничивают *универсальные концепты*, такие как *вода, солнце, земля, родина или дом* (хотя они также могут содержать в себе национальную специфику) и *национальные концепты* – характерные только для одного народа. Обозначим, что «зависть», являясь *универсальным концептом*, имеет и явные признаки *национального*.

По лингвистическому оформлению вербализованные концепты могут быть лексическими (представлены одной лексемой), фразеологическими, грамматическими и синтаксическими. Выделяют также простейшие и сложные концепты. Простейшие отличаются тем, что выражаются одним

словом. «Зависть» является вербализованным простейшим концептом, представленным одним словом.

Структурная классификация в Воронежской научной школе предполагает деление на *одноуровневые* (имеющие лишь чувственное ядро: «салфетка», «ложка»), *многоуровневые* (содержат несколько когнитивных слоев, разного уровня абстракции, например, «грамотность») и *сегментные* (включают в себя базовый и равноправный по степени абстракции чувственный слой: толерантность) (Попова 2002: 34).

Однако, есть и другие взгляды на типологию концептов. В. И. Карасик выделяет параметрические и непараметрические концепты (регулятивы и нерегулятивы). М. В. Пименова рассматривает образы (*Русь, Россия, мать*), идеи (*социализм, коммунизм*) и символы (*лебедь*), а также концепты культуры, которые, в свою очередь, делятся на: универсальные категории культуры – *время, пространство, движение, изменение, причина, следствие, количество, качество*; социально-культурные – *свобода, справедливость,*

труд, богатство, для русских – достаток, собственность; категории национальной культуры – для русских это *воля, доля, соборность, душа, дух;* мифологические категории – *боги, ангел-хранитель, духи, домовый* и этические категории – *добро, зло, долг, правда, истина* (Пименова 2004: 10).

По данным критериям исследуемый нами концепт «Зависть» может быть отнесен как к образным концептам, так и ко всем категориям концептов культуры.

С. Г. Воркачев рассматривает концепты высшего уровня (*счастье, любовь, совесть*) и обычные концепты (Воркачев 2004: 44).

Г. Г. Слышкин классифицирует концепты на первичные и вторичные, метаконцепты (предмет рефлексии человека, результат осмысления продуктов предыдущей концептуализации), а также пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные концепты лингвокультурологии (Слышкин 2004: 7).

Число классификаций велико, их основой служат разные критерии, и потому все они правомерны. По этой причине, с нашей точки зрения, было бы неправильно причислять исследуемый нами концепт только к одному типу. Он попадает под описание нескольких типов в различных типологиях, что было нами продемонстрировано в настоящем параграфе.

Многие исследователи признают, что на данный момент разработка максимально полной научной типологии концептов остается актуальной проблемой. Однако, предметом научных дискуссий является также и методика концептуального анализа.

1.3 Лингвокультурологический анализ как метод описания концептов

В отношении концептов, вопрос о методе описания возник в 40-е годы XIX века в ходе изучения быта русского народа и, в частности, памятников древней словесности и права.

Он впервые был поставлен К. Д. Кавелиным (1818-1885).

Исследователь формулирует требование к методу следующим образом: при

изучении обычаев народа необходимо искать именно прямой, буквальный смысл. Позднее лингвисты дали этому термин «внутренней формы» (слова, обычая, обряда).

В рамках лингвокультурологии каждый ученый вправе руководствоваться различными подходами к исследованию ментальных единиц. Отличие концептуального анализа от семантического анализа слова состоит в том, что у них разные конечные цели. По наблюдению Е. С. Кубряковой, «семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире» (Кубрякова 1991: 85).

Анализ характеристик концепта направлен главным образом на содержательную сторону понятия, а ее можно выявить исключительно с помощью сопоставительного анализа всех языковых средств, используемых при речевой репрезентации концепта (Болдырев 2001: 31). Цели описания содержания концепта детерминируют выбор языкового материала, который будет отражать тот или иной элемент содержания концепта (синхронный или

диахронический пласт, или аспект актуальный для определенной социальной группы).

Предпосылкой анализа концептов у В.И. Карасика является единство структурных элементов: понятийного, образного и ценностного. Он полагает, что первые два элемента объединяют два основных способа осмысления действительности, а последний позволяет ввести данную единицу в общий культурный контекст. Внутри ценностного элемента исследователь предлагает выделять оценочность и актуальность. Категория оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей имени концепта, денотата языковой единицы, а также в свойственных ей оценочных коннотациях и сочетаемости с оценочными прилагательными. Актуальность состоит в количестве языковых единиц, соотносящихся с данным концептом, их частоте употребления в реальной коммуникации и способности выступать основой метафорического переноса. Понятийная составляющая концепта, включает совокупность информационных элементов трех видов 1)

выраженное в языковых дефинициях повседневное знание; 2) элементы общей эрудиции и научных знаний; 3) стереотипные и прототипические структуры. Внутренние формы языковых единиц и образ, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах, составляют две группы элементов, которые входят в образную составляющую концепта (Карасик 2002: 276).

Лингвокультурный концепт как особая разновидность концепта становится объектом лингвокультурологического анализа. Его цель состоит в описании структуры лингвокультурного концепта, выявлении лингвокультурной специфики и выведение умозаключений о его значимости для языковой картины мира. Главной составляющей лингвокультурологического анализа выступает его лингвистическая основа. В нашей работе лингвокультурный концепт рассматривается прежде всего, как совокупность понятийной, образной, ценностной составляющих. Это те факторы, которые определяют этапы анализа.

Понятийная составляющая: 1) этимология слова-имени концепта, позволяющая выявить так называемый «свернутый смысл», поскольку содержит множество смыслов и при этом является их началом; 2) словарные дефиниции, позволяющие выявить семантическую доминанту, а также семы, формирующие ядро концепта.

Образная составляющая: 1) контексты, позволяющие выявить дополнительные концептуальные признаки слова-концепта; 2) ассоциативное поле концепта.

Ценностная составляющая: 1) связи исследуемого концепта с другими концептами, входящими в ядро той или иной концептосферы; 2) ассоциативное поле концепта.

Некоторое отличие выбранного нами подхода описания концепта «зависть» заключается в том, что ассоциативное поле концепта, традиционно рассматриваемое как дополнительный компонент анализа, рассматривается

нами как один из основных компонентов. Это связано с тем, что ассоциации играют чрезвычайно важную роль при анализе концептов. Ассоциации – это «некие более или менее долговременные единства, переживаемые как смыслы и представляющие собой соединение элементов опыта, соотносимых с внеязыковой реальностью, с единицами языка» (Чернейко, Долинский 1996: 32). По мнению авторов Русского ассоциативного словаря, представление слов через ассоциативно-вербальные сети позволяет обозначить множество активно используемых носителями языка слов и словосочетаний, выделив в нем наиболее употребительные, и тем самым составить оптимальный для повседневного общения лексикон.

Как упоминалось выше, концепт имеет «слоистое» (по определению Ю.С. Степанова) строение и разные слои являются порождением культуры разных эпох. Из этого следует, что метод изучения концепта должен представлять собой совокупность нескольких методик.

На настоящий момент существует несколько методик анализа концептов: «это и теория профилирования, предложенная Е. Бартминским, и теория вертикальных синтаксических полей, разработанная СМ. Прохоровой, и теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени-гештальтов, предложенная Л. О. Чернейко и В. А. Долинским, и теория вертикального контекста О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет» (Маслова 2004: 44).

Среди всех подходов к анализу и способов описания концептов на основе исследовательского материала можно выделить следующие:

1. Выявление семного состава ключевого слова.

Предметом исследования становится интерпретация примеров лексического выражения концепта в толковых словарях. Главным образом нами применяется диахронический анализ: используются данные об этимологии слов, а также о формировании значения ключевой лексемы.

2. Анализ лексических парадигм, вербализующих тот или иной концепт:

а) синонимического ряда ключевого слова. Акцентируются отличительные признаки концепта, которые проявляются при сопоставлении ключевой лексической формы и слов со схожим значением;

б) лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова. В данном случае, помимо синонимов, происходит подбор антонимов, согипонимов и гиперонима ключевого слова, выявление ядра и периферии поля;

в) деривационного поля ключевого слова. Осуществляется анализ деривационных возможностей ключевой леммы, а также семантики выявленных дериватов, что позволяет выявить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

3. Анализ материала паремий и афоризмов. Исследователи, применяющие эту методику обычно работают с национально-культурной спецификой концептов, и их содержании в концептосфере носителя какой-либо лингвокультуры. Однако, вопрос о том, насколько «установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка» (Попова 2001: 82) иногда остается без внимания.

4. Анализ лексической сочетаемости единиц, выражающих концепт, на материале художественных и публицистических текстов позволяет обнаружить приобретшие символический смысл признаки в составе концепта.

Определенный языковой материал будет отражать конкретные составляющие выбранного концепта (к ним, как уже упоминалось, могут относиться синхронный или диахронный пласт и актуальные для той или

иной группы носителей языка аспекты концепта). Языковой материал и будет определять, какое направление анализа, следует выбрать исследователю.

Итак, можно заключить, что концепт – это многомерное образование, которое кроме понятийно-дефиниционных характеристик включает в себя множество других, таких как коннотативные, оценочные, образные, и ассоциативные. Их необходимо учитывать при проведении анализа.

В нашем исследовании концепта «зависть» мы будем исходить из семного анализа концепта, а также обратимся к эмплитному и имплитному уровням выражения концепта.

1.4 Вывод

Языковая картина мира является схемой восприятия действительности, которая специфична для каждой лингвокультуры и закреплена в языке.

Концепт - это информация, являющаяся критерием идентификации, распознавания объекта окружающей действительности носителем определенной концептуальной системы. Концепты, отображенные в

национальном языке, становятся своеобразными маркерами, определяющими разнородную деятельность человека. Концепт в данной работе понимается как ментальная сущность и имеет национально-специфические черты, соотносимые с мировидением, культурой, обычаями, верованиями, фантазией и историей народа, включает себя яркое образное представление, ассоциации, культурные коннотации, репрезентируемые вербально языковыми единицами разных уровней

Лингвокультурный концепт принадлежит исследованию культуры и лингвистики, поэтому обладает значимостью, что является его главным отличием от других ментальных единиц. В широком смысле лингвокультурный концепт – это вербальное культурное значение, отмеченное этнической спецификой.

Концептуальный анализ позволяет выявить национально-культурную специфику и в данной работе представляет собой 1) сопоставительный метод; 2) метод частичной выборки анализируемого материала из газетно-

публицистических текстов; 3) метод интен-анализа; 4) словообразовательный анализ; 5) ассоциативный эксперимент и.д., достаточно широко используемых и в предшествующих исследованиях лингвокультурных концептов.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

КОНЦЕПТА «ЗАВИСТЬ»

2.1. «Зависть» в русской и китайской языковых картинах мира, стереотипные представления

Цель данной части исследования заключается в выявлении дифиниционных признаков эмоционального концепта «*зависть*» на основе анализа значений лексем, объективирующих данный концепт в рамках русского и китайского языков для последующего сопоставления полученных результатов. Данный вид анализа представляет собой «образец более или

менее адекватного «разложения» значения одних слов на значения других и в связи с этим имеет наибольшую ценность» (Кузнецова 1989: 36). В материале словарных толкований, как известно, уже содержится результат «разложения содержания на компоненты» (Ахманова 1969: 34).

В результате исследования было выявлено, что в словарях русского языка отражены такие семантические характеристики концепта *«зависть»* как: *«чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей и т.д. другого»* (Б.А.С.Р.Я. 2006: 84-85); *«чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого»* (Т.С.Р.Я.О.Ш. 1997: 200); *«досада на чужое добро и благо, досадовать на чужую удачу, счастье, болеть чужим здоровьем»* (Т.С.Ж.В.Я.Д. 1982: 560); *«чувство досады, вызванное желанием иметь то, что есть у другого»* (Т.С.У. 1994: 302); *«сильное и неудовлетворенное желание обладать тем, что есть у другого»* (Б.А.С.Р.Я, 2006: 84-85); *«нежелание добра другому, а одному лишь себе»* (Т.С.Ж.В.Я.Д. 1982: 560); *«глубокая и злобная зависть (черная зависть)»* (Т.С.Р.Я.О.Ш. 1997: 200); *«черная зависть - такое чувство в своем крайне негативном проявлении»* (Б.А.С.Р.Я 2006: 84-85); *«жалеть, что у самого нет того, что есть у другого»* (Т.С.Ж.В.Я.Д. 1982: 560); **«белая зависть - чувство**

доброжелательности по отношению к кому-л., достигшему каких-л. успехов, удач и т.п.» (Б.А.С.Р.Я. 2006: 84-85).

Завистливый передается как постоянно испытывающий чувство зависти. Завистный трактуется как «завистливый» (Б.А.С.Р.Я. 2006: 84-85). Завистник объясняется как тот, «кто испытывает чувство зависти, склонен к зависти» (Б.А.С.Р.Я. 2006: 84-85). «Завистливость (в значении свойство человека); завистник, завистница, в значении тот, кто завидует, завистливый человек, завиды, завидчик» (Т.С.Ж.В.Я.Д. 1982: 560).

Части речи выражают значения, которые соотносят лексическое значение с его категориальным значением. «Отдельные части речи относятся к различным моделям реального мира и имеют способность распознавать как целые объекты, так и их части» (Кубрякова 1997: 188). Считается, что глагол является идентификатором определенного признака. Однако наряду с традиционной семантической характеристикой, у глагола так же прослеживаются черты предметности, связанности действия и движения, процесса и состояния с объектами. «Отсюда возникает представление «предметных» значений в семантике глагола» (Арутюнова 1988: 130).

В китайских словарях «зависть» делится на два слова – «Сиень Му-羡慕» и «Цзи Ду-嫉妒». «Сиень Му-羡慕» трактуется, так: при виде преимущества

или чего-то хорошего у другого человека желание иметь тоже самое: «看见别人的长处，好处或者有利条件而希望自己也有» (Море слов 2010: 2492); желание иметь то же самое при виде преимущества или чего-то хорошего у другого человека -: «因喜爱别人有某种长处、好处或优越条件等而希望自己也有» (С.С.К.Я. 1978: 1250), (С.С.К.Я. 1996: 1483), (С.С.К.Я. 2012: 1521). «Цзи Ду-嫉妒» Так же зависть передается как ощущение ненависти к тому, кто лучше тебя. Желание обладать тем, что есть другого: «对胜过自己的人心怀怨恨» (Море слов 2010: 1034); «因人胜过自己而产生的忌恨心理» (С.С.К.Я. 1978: 525).

Существительное	Глагол	Прилагательное
羡慕	羡慕	羡慕的
嫉妒	嫉妒	嫉妒的
Зависть	Завидовать	Завистливый/Завистный

В таблице мы видим, как формы слова изменяются в русском языке в разных частях речи. А в китайском языке у этих слов одна форма для трех частей речи.

Завистник, завистница: 爱嫉妒的人 трактуется как человек, который любит завидовать. Только по значению «Цзи Ду-嫉妒».

В результате сравнительно-сопоставительного анализа словарных дефиниций были выявлены следующие общие для русского и китайского языков дефиниционные признаки: «обладать тем, что есть другого», «ненависть».

Необходимо заметить, что признаки «черная», «белая», «чувство досады», «негодование», «обида», «недоброжелательность», «злоба» были обнаружены только в русских источниках. Признак «хотеть иметь тоже самое» был обнаружен только в китайских источниках.

2.2. Экспликация концепта «зависть» в русских и в китайских пословицах и фразеологизмах

Для каждого народа важно передать свои знания следующему поколению, поэтому пословицы, поговорки и афоризмы играют особую роль, т.к. они выражают наиболее важные жизненные идеи в сжатой и емкой форме, в них прослеживается особый менталитет каждой страны.

Опыт, отраженный в пословицах и поговорках, считается тем культурным минимумом, «знание которого является обязательным для всех представителей данной культуры» (Карасик 2002: 121). Анализируя

пословицы, поговорки и афоризмы, можно установить, какие ценности являются приоритетными в данной культуре.

В семантике единиц, выражающих концептуальные понятия, существует три уровня признаков: 1) дефиниционные, позволяющие выделить предмет среди подобных ему; 2) избыточные (энциклопедические), несущие в себе информацию, превосходящую минимальный принятый уровень осведомленности; 3) имплицативные, располагающиеся между дефиниционными и энциклопедическими (Воркачев 2004: 189-208).

Посредством комплексного анализа, неотъемлемой частью которого являются исторические, этимологические, филологические сведения, может быть установлена этнокультурная специфика языковых единиц. Такие единицы часто встречаются в поговорках и афоризмах. Пословицы и афоризмы изучаются разными науками (пословицы — фольклористика и паремиология, афоризмы — афористики), но несмотря на это многие исследователи склонны рассматривать их как часть словарного состава языка,

так как они не создаются в речи, а вносятся в нее в готовом виде. В процессе общения пословицы используются для более образного выражения мысли, что делает возможным расценивание их как отдельных лексических единиц. Одной из черт, объединяющих эти единицы, является их принадлежность к части словарного запаса языка (Дмитриева 1997: 28-30).

Под пословицами в данном исследовании понимаются краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и образный план, в обобщенном виде констатирующие свойства людей и явлений, дающие им оценку или предписывающие образ действий с характерным для них назидательным смыслом. Под поговорками — краткие народные изречения назидательного характера, имеющие только буквальный план. Под афоризмами — выразительные изречения, содержащие обобщающее умозаключение (Ахманова 1966: 56, 334, 347).

В качестве материалов для данного исследования была использована сплошная выборка из различных словарей пословиц и поговорок, словарей

афоризмов и крылатых выражений («Пословицы русского народа» и «Словарь – тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» в русском языке и в «Китайском словаре идиом»). Часть результатов была получена нами в процессе анкетирования.

В данной работе представлен анализ паремиологических единиц, объединенных концептом «зависть», реализация которых осуществляется в процессе межличностных отношений представителей китайской и русской культур.

Было выбрано 86 пословиц и поговорок в русской паремиологии, в китайской паремиологии таких единиц было проанализировано 25.

Семантическое ядро *зависти* и в русском и в китайском языках образуют такие лексемы, как *недоброжелательность*, *досада*, *жадность*, *злоба* и т.д., а также такие понятия, как *белая и черная зависть*, которые подвергаются более детальному функционально-семантическому анализу, так как объем их значений в сравниваемых языках не всегда совпадает, что

представляет особые трудности в процессе преподавания русского языка китайским учащимся. Суть зависти в том, что она не стремится сделать что-то хорошее для говорящего, а нацелена на вредительство другим. Зависть не только не приносит никакой радости и наслаждений, а лишь приносит боль и разражение (Эпштейн 2006: 37).

Русские и китайские пословицы ориентируются, как показали материалы исследования, на человека, на его натуру и черты характера, на межличностные отношения, поступки и так далее.

Во многих пословицах *зависть* предстает как нечто ужасное, что несет саморазрушение, т.е. опасность не только для окружающих, но и для самого завидующего: «Съел волк кобылу, да дровнями подавился»; «Злой плачет от зависти, а добрый от радости»; «Не добро есть о пагубе человеческой веселиться», «Завистливый от зависти сохнет»; «От зависти пожелтел, от досады вспыхнул»; (Даль 2003: 421- 423); в китайском языке можно наблюдать аналогичное явление: «если железо начнет ржаветь, то сломается,

если человек начнет завидовать, то проиграет»(铁生锈则坏 , 人生妒则败) (温端政 1989: 453); «если управляющий завидует талантливым и способным людям, то они не показывают, что они талантливые» ([妒贤嫉能](#) , [御下蔽上](#)) (司马迁 1982: 728).

Как в русском языке, так и в китайском *зависть* осмысляется, как «желание иметь то, что есть у другого» или «желание завладеть тем, что есть у другого». «чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого», У представителей обеих лингвокультур *зависть* получает отрицательную оценку: «Сосед спать не дает хорошо живет»; «В чужих руках ноготок с локоток»; «Чужое добро в глазах рябит»; «Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают»; «На чужой кусок не пяль роток, а свой припаси, да и в рот неси»; «Хороша Маша да не наша»; «В чужих руках ломоть велик, а как нам достанется, мал покажется»; «На чужой лошадке не наездишься»; «На чужой обед надейся, а свой припаси»; «Кто чужого желает, скоро свое утратит» (Даль 2003: 421-423);. В китайском языке можно

отметить следующие примеры: «бахвалиться своей известностью и завидовать другим мудрецам» (矜名嫉能) (万森 2013: 327); «не мочь есть виноград, но говорить, что виноград очень кислый» (吃不到葡萄就说葡萄酸) (温端政 1989: 247); «из-за чего-то начать завидовать кому-то, и затем питать ненависть к этому человеку» (因妒成恨) (万森 2013: 861); «в сердце горит зависть (взорваться от зависти)» (妒火中烧)(万森 2013: 159); раз родился Юй, почему же в это же время родился и Лянь!» (здесь любопытен следующий исторический факт: в эпоху Троецарствия в Китае в государстве Шу генералом — военным советником был назначен Чжугэ Лянь, являющийся в то время олицетворением мудрости, опыта, военной хитрости и изобретательности. В военном мастерстве и смекалке с ним соперничал Чжоу Юй, известный военачальник из государства У. Чжоу Юй изо всех сил пытался перехитрить Чжугэ Ляна, но тот знал все действия противника наперед. Он был умный военачальник, но другой был еще умнее. Таким образом Чжоу Юй смертельно завидовал ему, и перед своей смертью он

произнес эту фразу – «Раз родился Юй, почему же в это же время родился и Лянь!» (罗贯中 2006: 384). «Ненасытность» *зависти* также получает негативную окраску: «Добрался как волк до овчарни»; «Дорвался, что корова до барды»; «Блин съешь, а два выпечешь»; «Всех сластей не переешь, нарядов не переносишь»; «Дай кумушка щец, да и хлебец-от твой»; «Много, много, а еще бы столько»; «Многому научишь, сам без хлеба будешь»; «Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает»; «Надолго собаке блин (только раз глотнуть)»; «Около него не обрыбишься»; «Назар все один слизал»; «Не дал бог ста рублей, а пятьдесят не деньги»; «Не доставайся же никому (не доставайся ж ни мне, ни тебе)»; «Не напахать на комара опары: и пьет, и хлебает; не по две морошки в ложке»; «По два гриба в ложку, а третий к стеблю пристал»; «Эту щебенку шиной да подковой не накормишь»; «Яства много, коли брюха не жаль»; «Чего нет, того и хочется»; «Хоть лопни брюшко, да не оставайся добро»: «Хороша жена, да завистлива»;

«Позавидовал бобыль беспашотному»; «Позавидовал плешивый лысому (шелудивому)» (Даль 2003: 421-423).

В китайском языке наблюдаем похожие примеры: 1) «Глаза красные (когда человек видит чужие успехи, удачу или хорошую вещь, то хочет обладать этим). Зариться». 2) «Негодование, когда враги видят друг друга. Их глаза стали красными» (眼红) (温端政 1989: 247); «Есть из своей тарелки и смотреть на кастрюлю» (吃着碗里的, 看着锅里的) (温端政 1989: 313); «Только что овладел землями Лунчуани и уже зариться на земли Шу» (得陇望蜀) (罗贯中: 2006: 127).

Зависти сопутствуют и другие отрицательные качества, она не знает меры, ее невозможно обуздать: «Не то забедно (досадно), что воз велик наклал, а то забедно, что сам сидит (сказала жена, по совету коей муж продал лошадь и купил ожерелье, а после на жене дрова возил)»; «Господи, Господи! Свою часть проспали: к людям приваливат, от нас отваливат»; «Завидки берут, что нам не дают»; «Жалеть будешь сула, когда брага кисла»; «Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет» (Даль 2003: 421-423). У представителей обеих лингвокультур есть положительно

оцениваемая идея о том, что «Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине»; «Лучше быть в зависти, чем в жалости».

Во многих русских пословицах содержится поучительный характер: «С доброго будет, а завистливому шишь!»; «Не радуйся чужому безвременью, сам под богом»; «Смех завистников не худое дело»; «Привет за привет, любовь за любовь, а завистливому хрену, да перцу и то не с нашего стола!»; «Чему позавидуешь, того сам берегись, чужому счастьем не завидуй» (Даль 2003: 421-423).

В китайской картине мира лучше самому не становиться объектом *зависти*. А в русской картине мира лучше самому не завидовать.

В китайском языке существует иное мнение, которое часто выражается предупреждением. Если человек обладает чем-то лучшим, это опасно показывать, чтобы не вызывать зависти у других, например, «Светлая луна часто прячется за облаками» (здесь «妨» как глагол «мешать», который используется только для человека). Талантливый человек сравнивается со светлой луной, «маленький человек» сравнивается с облаком (月明多被云妨) (苏轼 2013: 23); «Человек боится стать известным, как свинья боится стать

толстой» (人怕出名猪怕壮) (温端政 1989: 65); «Если одна часть стрехи длиннее, то она первая сломается» (出头的椽子先烂!) (温端政 1989: 116); «Я не хочу стать самой длинной частью стрехи, так как не хочу, чтобы другие люди мне завидовали» (我不想做出头的椽子) (温端政 1989: 116); «Если есть вкусная еда, то там будут насекомые, если у человека есть талант, то на него будут наговаривать» (有味之物，蠹虫必生；有才之人，谗言必至。——(唐)刘禹锡) (刘禹锡 2013: 135); «Убивают ту птицу, которая первой высовывает голову» (棒打出头鸟) (温端政 1989: 541); «Небо завидует лучшим». (У талантливых людей тяжелая судьба) (天妒英才) (万森 2013: 159);

«Если дерево в лесу выше других, то ветер свалит его.

Если холм на дамбе очень высокий, то вода размочит его.

Если человек слишком мудр и поступает по-своему, то люди осудят его».

(木秀于林，风必摧之

堆出于岸，水必湍之

行高于人，众必非之。

《运命论》[李康](#)) (王洪 1997: 276).

В русском языке тоже есть следующие примеры: «Где счастье родится, там и зависть плодится»; «Завистливый сохнет о том, когда видит счастье в ком»; «Зависть прежде нас родилась». В русском языке такие утверждения о природе *зависти* выражаются фактом, а не предупреждением о негативных последствиях зависти.

Большая часть дошедших до нас пословиц и поговорок - архаична и многозначна, из-за чего интерпретировать их сложно. Считается, что «массовые стереотипы обыденного сознания этноса не связаны жестко с каким-то одним способом реализации и сохраняют свою идентичность, несмотря на изменения вербальных либо иных средств своего знакового воплощения» (Воркачев 2004: 189-208). В русском и китайском языках для передачи одного и того же используются различные образы, что отражает различия этих двух культур, их видения мира.

Фразеологизмы – это самостоятельные, законченные единицы, обладающие более сложной знаковой структурой. Это устойчивое сочетание

слов, значение которого отличается от совокупности значений каждого слова по отдельности. Большое значение в фразеологических обозначениях имеют эмоции, так как они основаны на образах.

Органы человека такие, как глаза и руки, помогают воспринимать сверхсловные номинации, отражающие эмоциональную сторону жизни человека, что вызывает в языковой памяти ассоциативно-образные коннотации. Стоит привести пословицы, поговорки и афоризмы, в которых у *з а в и с т и* прослеживается метафорический характер.

Сенсорным органом, имеющим низменные желания обладать чем-либо, являются глаза. В русских пословицах и поговорках часто они представляются как: *очи, око, глазища, глазки* и имеют следующие эпитеты: голодные, ненасытные, не знающие стыда. Согласно христианской этике, завистливых людей можно узнать по лицу: «Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстью, не имеет верного суждения о предметах» (Василий Великий 1998: 14-15).

Некоторые русские пословицы говорят о том, что *глаза* – это сосуд, не имеющий дна и краев, на что ни посмотрят (взглянут, окинут, зарятся) всего хотят (просят), вспыхивают желанием обладать чужим добром: «У зависти глаза рачьи»; «Завистливое око видит широко (далеко)»; «Завидливы глазища колом тычут»; «Завидливые глазки все съесть хотят»; «Завидуши глаза не знают стыда»; «В зависти нет корысти — глазом не заворотишь»; «Где глаза окинут, тут жаль покинуть»; «Завистлив, что поповские глаза»; «Глаз не накормишь» (Зимин 2008: 432).

В других пословицах ясно выделяется значение отрицательного влияния на человека: «Глаза - вороги (устар. враг), данные человеку на погибель»: «Глаза человеку вороги. Глаз — первый враг»; «Глаза даны на пагубу человеку (что ни видят, все бы захватили)»; «Глаза разбежались»; «Сам-то наелся, да глаза не сыты (сам сыт, глаза голодны)»; «Лихих пчел подкур неймет; лихих глаз стыд не берет»; «Не коси глаз на чужой квас»; «На чужую кучу нечего глаз пучить»; «Нет пропасти супротив завистливых глаз»;

«На что мир не зинет, то и гинет»; «Охал дядя на чужие деньги (достатки) глядя»; «И мы видывали, да не завидывали»; «Касьян (завистливый) на что не взглянет, все завянет»; «Сытых глаз на свете нет»- «У него поповские глаза»; «На поповские глаза не наямишься добра»; «Очи видят, да зуб неймет»; «Не зарься на чужое, свое береги» (Зимин 2008: 432) (Даль 2003: 421-423).

В китайском языке не только *глаза* выступают в качестве органа, желающего чем-либо обладать, но и *сердце*. К тому же, сердце и глаза чаще всего в китайских пословицах и поговорках испытывают ненависть из-за **зависти**.

В китайском языке, случаи употребления пословиц с лексемой «глаза» встречаются реже: 眼红

Приведем некоторые примеры:

1) «Глаза красные» (когда человек видит чужие успехи, удачу или хорошую вещь, то хочет обладать этим), «Зариться».

2) Негодование, когда враги видят друг друга - их глаза стали красными.

Можно заметить, что в данном случае паремия с элементом глаза, обладает дополнительной коннотацией – ненависти, злобы.

В пословицах о *зависти* часто присутствует и другой элемент – *руки*. Где глаза, там и руки (лапы) подспорье - гребут как грабли, хватают, захватывают, загибают: «Поповские руки загибающие, глаза завидующие; жарко желают, да руки поджимают»; «Много хватать — свое потерять»; «Все под свою лапу жмет. В одну лапу всего не сгребешь»; «Что ни попало под лапу, то и сгреб»; «Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела» (Даль 2003: 421-423).

В китайском языке элемент руки встречается в следующей пословице: 心慕手追-в сердце завидовать, жестами следовать (всеми силами стараться подражать). В этой пословице завидовать означает восхищаться (万森 2013: 415).

В русской культуре, *зависть* обладает своим цветом: зеленым. *Зеленая зависть* – *лютая зависть*, *черная зависть*. В китайском языке этот фразеологизм не имеет соответствий с компонентом 绿 зеленый.

В русском языке существуют два противоположных вида *зависти*: *белая* (конструктивная) и *черная* (деструктивная). Соответственно, *белая зависть* направлена на созидание, сопровождается позитивными эмоциями, кратковременна, ведет к самосовершенствованию. В отличие от нее, *черная зависть* характеризуется негативными эмоциями: злобой, раздражением, желанием отрицательно повлиять на предмет или объект зависти. *Черная зависть* имеет свойство накапливаться в человеке в течение долгого времени, что затем сопровождается вспышкой гнева или другими отрицательными эмоциями.

В китайском языке есть следующие пословицы и поговорки: «Пускать слюни в 3 метра» (старое значение: выражение, когда человек видел вкусную еду и очень хочет есть. Настоящее переносное значение: человек безумно хочет получить хорошую вещь (здесь нет ненависти) (垂涎三尺); видеть

лишь пыль (поднятую ушедшими), но не догнать их. (сильно отстать от своих соперников, оказаться далеко позади, только завидовать им) (望尘莫及, 望其项背); Чем стоять у омута и на рыбу смотреть, лучше идти домой плести невод (临渊羡鱼, 不如退而结网); На зависть всем (令人羡慕); стыдиться быть уткой и мечтать сделаться аистом (стыдиться своих недостатков и завидовать достоинствам других) (惭鳧企鹤). В этих примерах зависть имеет значения «восхищение», «преклонение», «хотеть иметь тоже самое»; «нравиться (万森 2013: 367).

Таким образом, проведенный нами анализ паремий показал, что концепт «*зависть*» чаще всего обладает такими характеристиками как: «жадность, ненасытность», «желание *обладать, иметь*», на третьем месте по частотности оказываются паремии со значением «*дурного глаза*».

В китайском языке концепт «*зависть*» чаще всего употребляется со значениями: «*ненависть*»; «*желание обладать*»; «*опасность*»; «*восхищение*», «*преклонение*», «*хотеть иметь то же самое*»; «*нравиться*».

Наделенные признаками «*жадность*», «*желание иметь*», «*ненасытность*», «*опасность*», «*похвала*», «*руки загребущие*» паремии

являются универсальными для русского и китайского языков. При этом, такие признаки как «*дурной глаз*», «*зеленая зависть*» не так распространены в китайском языке, или вообще не имеют эквивалентов. Вероятно, признак «*Глаза – зеркало души*» более характерен для русского менталитета, чем для китайского. А соответственно данные признаки составляют «паремии эндемики» — этноспецифические образования, не имеющие семантических эквивалентов в языке сравнения (Хизова 2005: 162).

Нормативные суждения в виде пословиц, поговорок и афоризмов являются типовыми аксиомами поведения, имеющими моральный или обязательный характер. Чаще всего, они выражаются через импликацию. Причем, как в китайском, так и в русском языках, именно подтекст играет существенную роль в организации смыслов высказывания. Проанализированные паремиологические единицы русского и китайского языков позволяют сделать следующие выводы о ценностях в обеих культурах:

Зависть и другие, связанные с ней чувства, такие как *жадность*, *алчность* и *скупость* осуждаются в обеих лингвокультурах;

Зависть, *обида* и *зложелание* считаются нарушением норм общения между людьми;

Осторожное общение с завистливыми людьми приветствуется в обеих культурах;

Коварство, *злоба*, *желание навредить* не приемлемы в обществе;

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт «*зависть*» в обеих лингвокультурах имеет одинаковый план выражения, но разный план содержания. Единый смысл выражается различными языковыми средствами.

Частотность употребления пословиц, поговорок и фразеологизмов с ключевым словом «*зависть*»:

(таблица 1)

Пословицы, поговорки,	Часто	Иногда	Редко	Никогда не
	использую тсся	используют ся	используют ся	используют ся

Где счастье родится, там и зависть плодится				√
Завидки берут, что нам не дают				√
Глаза завидущие, руки загребущие.			√	
Завистливый по чужому счастью сохнет				√
Завидуши г л а з а н е знают стыда				√

Берут завитки на чужие пожитки				√
Зависть прежде нас родилась				√
Кто завистлив, тот и обидчив				√
У зависти глаза рачьи				√
Завистливый злее волка голодного.				√
Завистливый сохнет о том,				√

когда видит счастье в ком.				
В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.				√
Сытый волк смирнее завистливого человека.				√
Позеленеть от зависти			√	
Фразеологиз мы	Часто использую тсья	Иногда используют ся	Редко используют ся	Никогда не используют ся
Зависть гложет	√			

Зависть берет.	√			
Всем на зависть	√			
На зависть кому-нибудь	√			
Белая зависть			√	
Черная зависть			√	

Частотность употребления пословиц, поговорок о Сиень Му- 羨慕 – зависть с положительным или нейтральным значением, восхищение.

(таблица 2)

Пословицы, поговорки,	Часто используются	Иногда используются	Редко используются	Никогда не используются
垂涎三尺	√			

望尘莫及		√		
临渊羡鱼， 不如退而结 网	√			

Частотность употребления пословиц, поговорок и фразеологизмов о

Цзи Ду-嫉妒 – зависть, выражающая отрицательные эмоции, ненависть к предмету или объекту зависти, более яркое желание обладать чем-либо, что принадлежит другому человеку.

(таблица 3)

Пословицы, поговорки,	Часто используютс я	Иногда используютс я	Редко используютс я	Никогда не используютс я
铁生锈则 坏，人生妒 则败				√

月明多被云 妨			√	
吃不到葡萄就 说葡萄酸	√			
人怕出名猪 怕壮	√			
出头的椽 chuán 子先烂				√
妒贤嫉能，御 下蔽上		√		
有味之物， 蠹虫必生； 有才之人， 谗言必至				√
既生瑜何生 亮		√		
木秀于林， 风必摧之			√	

堆出于岸， 水必湍之 行高于人， 众必非之。				
棒打出头鸟	√			
Фразеологиз мы	Часто используютс я	Иногда используютс я	Редко используютс я	Никогда не используютс я
天妒英才	√			
得陇望蜀				√
矜名嫉能			√	
妒火中烧		√		
眼红	√			

По количеству русских пословиц и поговорок намного больше, чем китайских. Как видно из таблиц, в русском языке пословицы и поговорки о

«зависти» почти уже перестали использоваться, а фразеологизмы часто используются. В китайском языке несколько пословиц, поговорок и фразеологизмов все еще часто употребляются. Это показывает приверженность китайского народа традициям, уважению к мудрости поколений, показывает особый китайский менталитет. В русском языке эти единства перестают использоваться из-за постепенного развития общества, процесса глобализации. Язык не стоит на месте, но все же, паремии дают яркое представление об особом быте и мировоззрении каждого народа.

Анализ эмоционального концепта «зависть» в русской и китайской культуре позволил выявить его понятийные составляющие, общие и характерные черты для каждой из культур.

Эмоциональный концепт «зависть» является сложным лингвокультурным образованием, зависит от менталитета страны, ее исторических особенностей, культурных ценностей, является результатом отражения языковой личностью картины мира, особенной для каждой страны.

В каждой из культур концепт «зависть» обладает различными коннотативными значениями, включает в себя эмотивную, оценочную, экспрессивную, иногда стилистическую коннотацию. Концепт приобретает

данные характеристики в связи с особенностями этноса, исторического развития лексических единиц, включающих в свою структуру концепт.

Изучение концепта «зависть» с точки зрения философии позволяет говорить о нем, как о негативном явлении, сопровождающемся отрицательными эмоциями: *зlobой, ненавистью, зложеланием, жестокостью, скупостью и алчностью*. Эти чувства побуждают людей портить, губить объект или предмет зависти. В особенности на это влияют обида и желание обладать чем-то чужим.

Белая зависть является положительным чувством, вызывает развитие собственных качеств, является стимулом для «соревнования», несет положительную мотивацию - улучшение своих способностей, черная зависть несет разрушительный, враждебный характер, отрицательную мотивацию - уничтожение преимущества другого человека. Зависть - это чувство, которое мучит и терзает человека, при этом ее принято тщательно скрывать.

Анализ понятийной составляющей концепта «зависть» позволил выделить общие признаки для обеих культур: *«желание обладать», «ненависть, злоба», «хотеть иметь то же самое», «опасность», «похвала», «руки загребущие»*.

Исследование паремий показало их моральный, утилитарный, иногда архаичный характер. При этом значение пословиц, поговорок и афоризмов является имплицитным, подразумевает работу мысли читающего.

В прозаических текстах концепт «зависть» часто выражается метафорически, что повышает экспрессивность текста.

Таблицы с частотным использованием выражений с данным концептом, показывают диахронические изменения употребления данных лексических единиц и указывают на научное, литературное или устаревшее использование последних. Зависть воспринимается как такие отрицательные явления, как «зло», «плохое чувство», «жадность», «ненависть».

Результаты исследования указывают на лингвистическую, культурную и социальную значимость концепта «зависть». В ходе исследования было подтверждено, мысль о том, что «зависть» является явлением с негативной маркировкой этического ряда и осуждается в обеих культурах. Основные сходства концепта в русском и китайском языках проявляются на уровне философского осмысления и интерпретации паремиологических единиц.

2.3 Концепт «зависть» в русской и китайской художественной литературе

Чтобы проанализировать понятийную составляющую концептов

«зависть», в работе были использованы как классические произведения русской и китайской литературы, так и книги современных авторов, найденные в сети Интернет.

В результате анализа этих произведений были выявлены следующие признаки концепта «зависть /Сиень Му- 羨慕 и Цзи Ду - 嫉妒».

Существуют такие признаки, как: «быть объектом зависти» или «желание иметь то, что есть у другого». В русских примерах каузатором **зависти** может быть вещь, здоровье, свободная жизнь, любовь, талант, счастье а **зависть** наполняется острой обидой: «И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и **зависть** дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство» (Гоголь 2006: 12); «Вошел молодой человек лет двадцати пяти, блестящий здоровьем, с смеющимися щеками, губами и глазами. «Зависть брала смотреть на него» (Гончаров 1998: 22); «Все завидовали согласию, царствующему между

надменным Троекуровым и бедным его соседом» (Пушкин 1977: 464); «Да, - сказал Остап, - теперь я и сам вижу, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Вам не завидно, Балаганов? Мне завидно» (Ильф 1982: 365); «Княгиня ничего не отвечала; ее мучила зависть к счастью своей дочери» (Толстой 1983: 453).

Что касается китайской культуры, здесь причиной зависти могут выступать как материальные предметы, как: красота, украшения, например: «不过男子是用爱慕的眼光去看，女人则用嫉妒的眼光去看而已，她嫉妒别个女子的美貌，羡慕别个女子的装饰，心里虽然嫉妒，仍然忍不住要去看她，老实说，为眼福起见，也是值得一» (钱歌川 2009: 215); но и нематериальные, как преимущество, родственные чувства, счастье например: «从情绪上说，这无疑是胡友松有生以来最惬意、最美好的日子，美好到连她自己都感到有些茫然，美好到遭人嫉妒» (苏理立 2013: 63); «完全是为的吃醋，她们两个是冤家。薛宝珠妒忌姚金凤得了功!» (矛盾 2013 : 351); «好了，说一句笑话，那便是鬼妒忌我们的幸福，无端来播弄我们一场，可怜我

们竟落了圈套» (矛盾 2015: 73); «事实上, 人们在日常生活中, 随时随地都可能体验到愉快、忧愁、赞叹、厌恶、恼怒、恐惧, 或是嫉妒与羞愧等» (林秉贤 1990: 1421); «有的时候, 她真的妒忌起来, 恨不得马上把妞子从天佑太太那儿夺过来, 可她没那么办。她知道, 婆婆没闺女, 妞子既是孙女, 又是闺女» (老舍 2012: 252); «秀莲越长越好看, 二奶奶也越来越嫉妒» (老舍 2015).

Зависть свойственна человеку и часто является негативной реакцией на чужое счастье и обоснованную гордость: «Но не ясно ли: блаженство и зависть — это числитель и знаменатель 102 дроби, именуемой счастьем» (Замятин 2011: 321); «Княгиня ничего не отвечала; ее мучила зависть к счастью своей дочери» (Толстой 1983: 453); «Зависть к счастью другого человека, часто сопровождается установкой на то, чтобы испортить его настроение, сконфузить его: «Счастливым, должно быть...» - думал Фома. Эта мысль вызывала в нем острое желание оборвать парня, сконфузить его» (Горький 1979: 288).

Китайские примеры доказывают, что зависть вызывает такие чувства как

злоба, чувство неуверенности, страдание. «如何? 四百块钱是花得不冤枉罢! ——可是, 卜局长那边, 你也得稍稍点缀, 防他看得眼红, 也要来敲诈。生意好, 妒忌的人就多; 就是卜局长不生心, 他们也要去挑拨呀!» (茅盾 2015: 143); «诗人(поэт)怀着叵测的嫉妒, 害怕别人比他们生活得更好» (朱大可 1991: 317); «他的嫉妒变成了讽刺, 他的狭窄使他看起来好象挺勇敢, 敢去战斗似的» (老舍 2012: 52); «他在陶家村打了十几年长工, 轻易不见他说话, 别人说话他偏肯听, 大家都嫉妒他似的这样叫他» (现代短篇, 2015).

Признак «чувство досады, недоброжелательства, злобы» присутствует в таких примерах, которые ясно показывают, что сплетни часто вызываются завистью, а она в свою очередь сопровождается чувством печали, тревоги: «Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом» (Лермонтов 1970: 141); «Никите не нравится, как она говорит это, в словах ее он слышит избыток печали, излишек тревоги и как будто зависть» (Горький 1976: 65); «Нас, детей Затрапезных, сверстники недолюбливают.

Быстрое обогащение матушки вызвало зависть в соседях» (Салтыков-Щедрин 2007: 928); «Это очень может быть: у нас любят сплетни; магазин моей жены имеет некоторый успех, может быть, есть в ком зависть к нему - вот вам и объяснение» (Чернышевский 2003: 298).

Примеры же из китайского языка, показывают истинную сторону зависти. В этом языке зависть полна враждебности, ненависти: «尼尔嫉妒地说，他真希望有一把火把这些花都烧掉» (黄修纪 1987: 53); «诗人怀着叵测的嫉妒，害怕别人比他们生活得更» (朱大可 1991: 317); «林先生赶到柜台前睁大了妒忌的眼睛看着斜对面的同业裕昌祥» (茅盾 2015: 171); «心里觉到嫉妒难受，对于张贵，更增加一层仇视，为的是那人占有了他的爱人» (王余杞 1933: 42); «朦胧里，我认出她是那个倚在柜台上用嫉妒的眼光看着我和那个同行的少女的女子» (沈从文 2012: 669).

Самыми завистливыми принято считать людей искусства, науки: музыкантов, писателей, поэтов, ученых: «Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать

настоящие таланты» (Чехов 1985: 59). Данное утверждение характерно для обеих культур. Во все времена люди завидовали успеху другого на этом поприще. Талант, одаренность издавна являлись причиной зависти. При этом, завистников редко волновала природа особенных навыков: тяжелый труд и постоянные упражнения для совершенствования таланта. Важным признаком являлось обладание или не обладанием определенными индивидуальными способностями. Рассмотрим следующий пример этого явления в китайской культуре: «诗人(поэт)怀着叵测的嫉妒，害怕别人比他们生活得更好» (朱大可 1991: 317); «普逊的出现及他的艺术殊荣，直接引起了宫廷中以西蒙·符埃为代表的一群流行画家(художник)的嫉妒和仇视» (赵海江 1992: 82) .

В китайском языке зависть может выражать и положительные эмоции, например: восхищение, желание иметь что-то: «他可能看到别人有而自己没有的东西，会觉得 羡慕、敬佩，进而欢喜赞叹，但他回过头来还是很安分地做自己» (蒋勋 2010: 27); «“你别羡慕他，” 青青对绍谦笑了笑» (琼瑶 2008: 133); «父亲非常羡慕地看着八路军苍老面孔上的年轻表情，听着八路军的歌

唱，他的喉咙也发痒» (莫言 2007: 27); «八路军羡慕地看着他们拄着的崭新的日本三八枪和马枪» (莫言 2007: 156); «从他这问话中，可以见他略略有点羡慕的神气» (沈从文 2012, T9: 177).

В китайском языке зависть - "Сиень Му- 羡慕" всегда несет нейтральное или положительное значение, восхищение человеком или предметом. В слове - "Цзи Ду- 嫉妒" к этим значениям добавляются отрицательные эмоции, ненависть к предмету или объекту зависти, выражается более яркое желание обладать чем-либо, что принадлежит другому человеку. В китайской литературе эти слова употребляются вместе, чтобы показать богатый внутренний мир героя, его разносторонний (противоречивый) характер.

«做完那对靠垫以后，送给了白家，不少亲戚朋友对她的父母进了许多谀词，她的闺中女伴，取笑了许多话，她听到常常自己红着脸微笑，还有，她夜里也曾梦到她从来未经历过的娇羞傲气，穿戴着此生未有过的衣饰，许多小姑娘追她看，很羡慕她，许多女伴面上显出嫉妒颜色» (现代评论,

1925) ; «我羡慕华盛顿 , 可是因为我爱你 , 我不敢对他起一点嫉妒心 ! » (老舍 2015); «解放初 , 是蹬三轮的仰头望着公共汽车司机 , 羡慕个贼死 , 如今 , 是公共汽车司机低头望着出租汽车的司机 , 嫉妒得牙痒» (刘心武 2006: 152).

Однако в контексте выражение "Цзи Ду- 嫉 妒" может выражать положительное значение и показывать высшую степень восхищения. Таким образом, между словами "Сиень Му" и "Цзи Ду" наблюдается прогрессивная связь, значение варьируется от менее к более экспрессивно-эмоциональному.

«她把小福子看成个最可爱 , 最可羡慕 , 也值得嫉妒的人» (老舍 2010: 71); «每次看你为子璇作画 , 我充满了羡慕 , 充满了嫉妒; “一奇三怪” 更是抓住他不放 , 猛灌他酒 , 有的说 “嫉妒” , 有的说 “羡慕” , 有的说 “又嫉妒又羡慕” ……闹了个没完没了» (琼瑶 2008: 41); «老李有点羡慕——几乎近于嫉妒——张大哥。因为羡慕张大哥 , 进而佩服张大嫂» (老舍 2015).

Таким образом, анализ прозаических произведений русского и китайского языков позволяет сделать вывод о том, что в понятийной составляющей концепт «зависть / Сиень Му- 羡 慕 и Цзи Ду- 嫉 妒»

преобладают такие признаки, как «быть объектом зависти» или «желание обладать тем, что достойно стяжательства», «чувство досады, недоброжелательства, злобы», «соперничество», «чувство неуверенности», «страдание» и, как ни странно - «восхищение». Языковая картина мира прямо зависит от языковой личности, которая переносит уровень своих знаний, свою языковую компетентность на систему языка в целом. Также необходимо отметить, что как русское, так и китайское сознание демонстрирует предельную возможность человека в выражении чувственной и субъективно-эмоциональной информации в рамках данного концепта.

2.4. Образно-перцептивная составляющая концепта «зависть»

Известно, что для глубинного анализа структуры концепта недостаточно изучить только его смыслового содержания. Необходимо также исследовать ассоциации, связанные с рассматриваемым концептом, возникающие у носителей того или иного языка. Ассоциативные связи

интегрируют все типы словесных и межсловесных связей и, таким образом, носят всеобщий характер. (Кузнецова 2005: 60).

В ходе ассоциативного эксперимента испытуемым предоставляется ряд слов-стимулов, а их задача заключается в том, чтобы назвать первое возникшее у них слово-ассоциацию

Для удобства анализа данных мы составили анкету-опрос. Она содержит две части, вторая из которых дифференцируется по родному языку опрашиваемого.

В первой части респондентам предлагается указать информацию о своем возрасте, поле и образовании. Эти данные помогают определить возрастную и социальную группу, к которой стоит отнести респондента.

Во второй части носителям русского языка предлагается:

- 1) Назвать не более пяти ассоциаций на слова-стимулы «**зависть**»

Для носителей китайского языка нами были предусмотрены две графы:

1) Назвать не более пяти ассоциаций на слова-стимулы «Сиень Му-羨

慕»

2) Назвать не более пяти ассоциаций на слова-стимулы «Цзи Ду-嫉妒»

Всего в эксперименте приняло участие 30 носителей русского языка в возрасте от 18 до 55 лет, мужчины и женщины, учащиеся и работающие.

Однако, 70% опрошенных составили студенты до 28 лет.

На первом этапе испытуемым предлагалось дать до пяти первых возникших в ответ на слово-стимул «зависть» словесных реакций.

Список ассоциаций на слово-стимул «зависть» состоит из: зло, черная(8), белая, плохое чувство(2), жадность, ненависть(5), темнота, злость(3), порок 恶习, недоброжелательность, женщина, одежда, чужой успех(2), достаток, негатив, обида, тревога, враг, неуверенность в себе, агрессия, несчастье, недовольство собой, чувство(2), чувство несправедливости по отношению к себе, грязь, пыль, неприятный(2), слабость, глупость, негодование, ссоры, деньги, подлость, болезнь,

богатство, успешность, карьера, социальный статус, девушка, вещи, улыбка, грех, дружба, эгоист, зеленая.

Представленные ассоциации были обобщены и распределены по следующим сематическим группам:

Область проявления *зависти* (сфера чувств): чувство, плохое чувство, чувство несправедливости по отношению к себе, агрессия, тревога, несчастье, ненависть

Область объекта (материальная и нематериальная сфера): деньги, одежда, чужой успех, достаток, вещи, богатство, успешность, карьера, социальный статус.

Причина проявления: ненависть, злость, неуверенность в себе, недовольство собой, недоброжелательность.

Следствие проявления: обида, негодование, ссора, злость

Оценка: зло, черная, белая, плохое чувство, неприятный, слабость, подлость, грубость, темнота, порок, грязь, жадность, желтый, негатив, эгоист, зеленая, грех, недоброжелательность.

Участники ситуации: женщина, подруга, девушка, враг.

Список ассоциаций на слово-стимул «Сиень Му- 羨慕» состоит из: мечта(2), восхищение, преклонение(3), вожеление(3), 垂涎三尺(2), принцесса, принц, эрудиция(2), свобода, гармония в семье, работа, красота(7), худой(3), белая кожа, рост(2), обожание(2), деньги(3), большая грудь, выдающаяся личность(3), богатый(3), миллионер(2), высокая оценка, путешествие, отдых, милая девушка, молодой, смелый человек, нравиться(5), белая зависть, черная зависть, ненависть³, видимый - но недоступный, успех, золотая молодежь, шикарная машина, счастье, здоровье, сожаление, бедность

Область проявления (сфера чувств): нравиться, сожаление, видимый - но недоступный.

Область объекта (материальная и нематериальная сфера): мечта, принцесса, принц, эрудиция, свобода, гармония в семье, работа, красота, худой, белая кожа, рост, деньги, большая грудь, выдающаяся личность, богатый, миллионер, высокая оценка, путешествие, отдых, милая девушка, молодой, смелый человек, видимый - но недоступный, успех, золотая молодежь, шикарная машина, счастье, здоровье, золушка.

Причина проявления: бедность, желание, нравиться, видимый - но недоступный, восхищение, преклонение, обожание.

Следствие проявления: нет

Участники ситуации: нет

Оценка: нет

Список ассоциаций на слово-стимул «Цзи Ду-嫉妒» состоит из: глаза красные, подозрение, осуждение, грех, женщина(4), деньги(3), 吃不到葡萄就说葡萄酸(2), сравнение, психология, образование, хорошая кожа, вкусить уксус(ревность)(2), отвращение(2), печаль, сколько ни ешь - все равно не

потолстеешь(3), много денег, сын и дочь знакомого своих родителей, ненависть(3), плохой характер(2), миллионер(3), золотая молодежь(7), шикарная машина, отвратительный (характер), мрачный(характер)(3), ссора, злость, работа, подозрительный, нужно психологическое лечение, девушка, парень, муж, жена(2), рост, зарплата, везенье, грусть, плохой, Белоснежка, мачеха, безобразный.

Область проявления (сфера чувств): подозрение, отвращение, печаль, ненависть, грусть.

Область объекта (материальная и нематериальная сфера): женщина, деньги, образование, хорошая кожа, сколько ни ешь - все равно не потолстеешь, много денег, миллионер, золотая молодежь, шикарная машина, девушка, парень, муж, жена, рост, зарплата, везенье, работа

Причина проявления: сравнение, психология, ненависть, вождление, подозрение.

Следствие проявления: ссора, злость, осуждение 斥责.

Участники ситуации: женщина, сын и дочь знакомого своих родителей.

Оценка: грех, злость, плохой характер, отвратительный (характер), мрачный (характер), подозрительный, нужно психологическое лечение, плохой, безобразный.

Эквивалент: Белоснежка, мачеха, глаза красные, вкусить уксус (ревность), золушка.

В результате анализа полученных от респондентов проявлений ассоциаций:

(таблица 1)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
чувство	подозрение	нравиться
плохое чувство	отвращение	сожаление
чувство несправедливости по отношению к себе	печаль	в и д и м ы й - н о недоступный,

агрессия	ненависть	
тревога	грусть	
несчастье		
ненависть		

Как видно из таблицы 1, проявления ассоциаций в русском и китайском языках отличаются. Проявления ассоциаций «**Зависти**» и «**Цзи Ду**» выражают негативную характеристику, поэтому можно сказать, что проявления ассоциаций «**Зависти**» и «**Цзи Ду**» являются тождественным рядом. Проявления ассоциаций «**Сиень Му**» совершенно отличаются с проявлениями ассоциаций «**Зависть**». Потому что «нравиться», «сожаление», «видимый – но недоступный» является нейтральным чувством.

В результате анализа полученных от респондентов объектов ассоциаций:

(таблица 2)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
деньги	деньги	деньги
	зарплата	зарплата
социальный статус	миллионер	принцесса
	золотая молодежь	принц
		миллионер
		золотая молодежь
успешность, карьера, чужой успех	образование	работа
	работа	выдающаяся личность
		высокая оценка
		эрудиция
		успех
Достаток, богатство	миллионер	богатый
	золотая молодежь	миллионер

Вещи, одежда	шикарная машина	шикарная машина
	<p>везенье</p>	<p>мечта</p> <p>свобода</p> <p>гармония в семье,</p> <p>путешествие</p> <p>отдых</p> <p>счастье,</p> <p>здоровье</p> <p>золушка</p>
	<p>рост</p> <p>хорошая кожа</p> <p>сколько ни ешь -</p> <p>все равно не</p> <p>потолстеешь</p>	<p>красота,</p> <p>худой,</p> <p>белая кожа,</p> <p>рост,</p> <p>большая грудь,</p>

		молодой
	женщина девушка, парень, муж, жена	милая девушка, смелый человек,

В таблице 2 мы можем видеть объекты ассоциаций в русском языке и китайском языке, среди которых есть много общих. Ассоциации русских респондентов более общие. Ассоциации китайских респондентов более конкретные. Нельзя не заметить, что количественные показатели объектов ассоциаций китайских респондентов на много больше и разнообразнее. Нужно подчеркнуть, что среди объектов ассоциаций «Сиень Му» есть следующие варианты: принцесса, принц, золушка, смелый человек, мечта,

свобода, гармония в семье. Эти варианты являются героями сказок, в реальной жизни они не предстают объектами черной зависти.

В результате анализа полученных от респондентов причин ассоциаций выявлено следующее:

(таблица 3)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
злость	сравнение	бедность
ненависть	психология	желание
неуверенность в себе	ненависть	нравиться
негодование	вожделение	в и д и м ы й - н о недоступный
недоброжелательность	подозрение	восхищение
недовольство собой		преклонение
		обожание

Из таблицы 3 видно, что результаты ассоциаций «Зависть» и «Цзи Ду» похожи. Если мы посмотрим на причины «Зависти» и «Цзи Ду», то увидим, что они имеют мрачную характеристику. Однако в результате ассоциаций «Сиень Му» существуют следующие варианты: желание, восхищение, обожание. Если сравнить причины «Сиень Му» с причиной «Зависти», например, «неуверенность в себе, недовольство собой», «желание, нравиться, видимый - но недоступный», «злость, ненависть, недоброжелательность», «восхищение, преклонение, обожание», то можно увидеть, что они различаются. Причины «Сиень Му» нейтральные, даже положительные.

В результате анализа полученных от респондентов следствий ассоциаций стало ясно следящее:

(таблица 4)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
обида	ненависть	НЕТ
ссора	злость	

злость	осуждение	
негодование	Ненавидеть 仇恨	

В результате анализа полученных от респондентов участников ситуации ассоциаций стало ясно следящее:

(таблица 5)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
женщина	женщина	НЕТ
подруга	сын и дочь знакомого своих родителей	
девушка		
враг		

В результате анализа полученных от респондентов оценок ассоциаций:

(таблица 6)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
зло	плохой	НЕТ
черная	безобразный	
грех	грех	
плохое чувство	плохой характер	
неприятный	отвратительный (характер)	
слабость	мрачный внутренний мир	
подлость	подозрительный	
грубость	нужно психологическое лечение	
темнота		
порок		
грязь		

жадность		
желтый		
негатив		
эгоист		
зеленая		
белая		

Как видно из таблиц 4, 5 и 6, в результате сравнения ассоциаций «Зависти» и «Цзи Ду» найдены сходства: данные эмоции испытывают женщины, также эмоции имеют отрицательную коннотацию, следовательно, приводят к негативным следствиям. Нужно подчеркнуть, что в результате оценок ассоциаций «Зависть» бывает «белой», то есть является нейтральной, по количеству результатов. Нейтральная «зависть» имеет низкие вероятность и частота. Явно видно, что китайские респонденты не дали никаких следствий, оценок и не привели примеры участников ситуации.

В результате ассоциаций «Цзи Ду» китайские респонденты привели данные примеры: Белоснежка, мачеха, золушка, 吃不到葡萄就说葡萄酸, глаза красные, вкусить уксус (ревность). В русском языке «Белоснежка, мачеха, золушка» являются пример «зависть», как и в китайском языке. «吃不到葡萄就说葡萄酸», глаза красные, вкусить уксус (ревность)» представляют собой эквивалент «Цзи Ду». («吃不到葡萄就说葡萄酸» - не мочь есть виноград, но говорить, что виноград очень кислый).

В результате анализа полученных от респондентов ассоциаций выявлена следующая частота:

(таблица 7)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
черная(8)	золотая молодежь(7)	красота(7)
ненависть(5)	женщина(4)	нравиться(5)
злость(3)	ненависть(3)	преклонение(3)
плохое чувство(2)	мрачный(характер)(3)	вожделение(3)

чужой успех(2)	деньги(3)	деньги(3)
чувство(2)	миллионер(3)	худой(3)
неприятный(2)	вкусить уксус(ревность)(2)	выдающаяся личность(3)
	отвращение(2) 厌恶	богатый(3)
	жена(2)	эрудиция(2)
		рост(2)
		обожание(2)
		миллионер(2)

В результате анализа полученных от респондентов ассоциаций выявлены характеристики:

(таблица 8)

Зависть	Цзи Ду-嫉妒	Сиень Му-羡慕
черная(8)	ненависть(3)	нравиться(5)
ненависть(5)	мрачный(характер)(3)	преклонение(3)

злость(3)	отвращение(2) 厌恶	вожделение(3)
плохое чувство(2)		обожание(2)
неприятный(2)		

Суммируя результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, можно сделать вывод, что представление о «зависти», «Цзи Ду - 嫉妒» и «Сиень Му - 羡慕» у носителей обеих лингвокультур по большей части соотносится с традиционными, научными, религиозными и социологическими представлениями об исследуемом концепте. В русском языке «зависть» выражает чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей и т.п.; сильное и неудовлетворенное желание обладать тем, что есть у другого (Б.А.С.Р.Я. 2006: 84-85). Так «зависть» рассматривается как «черная», «ненависть», «злость», «плохое чувство», «неприятный». Однако в анализе мы уже видели, что в результате ассоциаций «зависть» бывает «белой», то есть является

нейтральной. По количеству результатов, нейтральная «зависть» имеет низкие вероятность и частоту. В китайском языке «Цзи Ду - 嫉妒» является очень негативной эмоцией. «Цзи Ду - 嫉妒» представляет собой испытывание ненависти к тому, кто лучше тебя, желание обладать тем, что есть у другого (Море слов 2010: 1034). «Цзи Ду - 嫉妒» в целом рассматривается как «ненависть», «мрачный», «отвращение». В анализе «Сиень Му - 羡慕» является нейтральной, даже положительной эмоцией. «Сиень Му - 羡慕» рассматривается как «нравиться», «преклонение», «вожделение», «обожание».

По нашему предположению, ассоциативно-сематическая сеть, полученная в ходе ассоциативного эксперимента, является индивидиальной. Возникающий в ответ на слово-стимул в сознании языковых личностей концепт «есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру» (Карасик 2002: 11).

2.5. Вывод

В результате проведенного лингвокультурологического исследования концепта «зависть» были сделаны следующие выводы.

Анализ русских и китайских словарных статей позволил выявить лексемы, осуществляющие основную вербализацию концепта «зависть». Сравнительно-сопоставительный анализ обнаружил признаки концепта «зависть», которые являются общими как для русского, так и для китайского языка. Это «ненависть» и «желание иметь то, что есть у другого».

Изучение концепта «зависть» с точки зрения философии дало возможность говорить о нем, как о явлении негативном, сопровождающимся отрицательными эмоциями: злобой, ненавистью, зложелательством, жестокостью, скупостью и алчностью. Эти чувства побуждают людей портить, губить объект или предмет зависти. Главную роль здесь играют обида и желание обладать чем-то чужим.

Анализ понятийной составляющей русских и китайских пословиц и поговорок показал, что все паремии, объединенные концептом «зависть», в своем содержании ориентированы на человека, на его поступки, черты характера, взаимодействие с окружающими. Он также позволил выделить

характерные для обеих культур семьи: «желание обладать», «ненависть», «злоба», «хотеть иметь то же самое», «опасность», «похвала», «руки загребущие».

Исследование устойчивых фразеологических единиц показало, что им присущ моральный, практический, а иногда и архаичный характер. При этом значение пословиц, поговорок и афоризмов выражается не напрямую, а имплицитно, то есть подразумевает определенную мыслительную работу при их восприятии.

Признаки «черная», «белая», «чувство досады», «негодование», «обида», «недоброжелательность» были обнаружены только в русских источниках. Признак «хотеть иметь тоже самое» был обнаружен только в китайских источниках.

С помощью свободного ассоциативного опроса, в котором приняли участие китайско- и русскоязычные респонденты, нами были выявлены образно-перцептивные характеристики концепта «зависть». В результате

обработки полученных данных было установлено, что зависть почти всегда представляет собой негативное явление и ассоциируется со злом, ненавистью. Однако стоит отметить, что в китайском языке зависть («Сиень Му») может иметь положительное значение: «привлекательность», «преклонение», «вожделение», «обожание».

В русском языке также существует понятие «белая зависть», имеющее либо нейтральное, либо положительное значение, в случае, когда человек испытывает радость за собеседника или, когда зависть служит стимулом для соревнования, несет положительную мотивацию к улучшению своих способностей, чтобы соответствовать или приблизиться к чьему-то уровню. Черная зависть несет разрушительный, враждебный характер, отрицательную мотивацию – уничтожение преимущества другого человека. Зависть – это чувство, которое мучит и терзает человека, при этом ее принято тщательно скрывать.

Анализ эмоционального концепта «зависть» в русской и китайской культуре выявил его понятийную основу, общие и характерные черты для каждой из культур.

Эмоциональный концепт «зависть» является сложным лингвокультурным образованием, отражением истории и культурных ценностей страны. Помимо этого, на него влияет фактор языковой личности в картине мира, которая является особенной у каждой отдельной нации.

В каждой из культур концепт «зависть» обладает различными коннотативными значениями, включает в себя эмотивную, оценочную, экспрессивную, иногда стилистическую составляющую. Он приобретает данные характеристики благодаря особенностям этноса и исторического развития лексических единиц, в структуру которых он входит.

В прозаических текстах концепт «зависть» часто выражается метафорически, что повышает экспрессивность текста. Таким образом, анализ прозаических произведений русского и китайского языков позволяет

сделать вывод о том, что в понятийной составляющей концепт «зависть / Сиень Му-羡慕 и Цзи Ду-嫉妒» преобладают такие значения, как «желание обладать тем, что достойно стяжательства», «быть предметом зависти», «чувство досады, недоброжелательства, злобы», «соперничество», «чувство неуверенности», «страдание» и «восхищение». Языковая картина мира напрямую зависит от языковой личности, которая переносит свои знания и опыт на языковую систему в целом. Также необходимо отметить, что в рамках данного концепта как русское, так и китайское сознание демонстрируют предельную возможность человека в выражении чувственной и субъективно-эмоциональной информации.

Таблицы с частотным использованием выражений, содержащих данный концепт, показывают диахронические изменения употребления данных лексических единиц и указывают на их научное, литературное или устаревшее использование. Зависть воспринимается как отрицательное явление: «зло», «плохое чувство», «жадность», «ненависть».

Результаты исследования указывают на лингвистическую, культурную и социальную значимость концепта «зависть». Так, была подтверждена мысль о том, что зависть – это явление с негативной маркировкой этического ряда, осуждаемое в обеих культурах. Основные сходства концепта в русском и китайском языках проявляются на уровне философского осмысления и интерпретации паремиологических единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведения лингвокультурологического изучения концепта «зависть» в синхронии и диахронии были выявлены существенные характеристики такие, как сходства и различия в лингвистической объективации, также прослежены общие и специфические черты функционирования в сравниваемых лингвокультурах. Концепт «зависть» является базирующимся на понятийной, образной и значимостной основе, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое образование.

В результате исследования удалось установить, что эмоциональный концепт «зависть» представляет собой следствие эмоционально-когнитивного познание индивидом языковой и внеязыковой реальности, переосмысленного в русской и китайской лингвокультурах и актуализирующийся в национальном сознании.

Эмоциональный концепт базируется на эмоциональном понятии. По сравнению с эмоциональным понятием, в состав эмоционального концепта входит также оценочное представление. Таким образом концепт имеет более сложную смысловую структуру. Эмоциональный концепт получает дополнительный вторичный признак в виде оценки, углубляясь в культурное пространство этноса.

Исследование концепта «зависть» с точки зрения этических учений позволяет рассматривать зависть как крайне негативное явление, носящее деструктивный характер, отличающееся жестокостью и злостью, к тому же, представляющее собой желание обладать чужим, ненависть, зложелание и обиду.

Зависть разделяется на два вида: «белая» и «черная».

«Белая зависть» мотивирует человека. Признание чужого успеха оказывается стимулом для личности, активизирует творческую деятельность и стремление к состязанию. «Черная зависть», напротив, являясь негативной эмоцией, побуждает субъекта совершать злонамеренные действия по отношению к человеку, добившегося успеха, благополучия, радости. У субъекта возникает чувство агрессии по отношению к объекту зависти, которое оказывает разрушительное влияние и на личность самого завидующего. Чувство зависти появляется в результате яркого желания сравняться с кем-либо не при помощи саморазвития, а за счет приуменьшения достоинств другого.

При анализе понятийной составляющей, отражающей признаковую и дефиниционную структуру концепта, были выявлены общие для обоих языков дефиниционные признаки. Для концепта «зависть/Цзи Ду» общими признаками выступают: «желание обладать тем, что принадлежит другому», «негодование», «недоброжелательность», «обида», «зложелание». Для концепта «зависть/Сиень Му»: «желание обладать тем, что достойно стяжательства», «чувство досады», «соперничество», «чувство неуверенности», «восхищение».

Исследование паремий показало, что пословицы, поговоры и афоризмы являются типовым аксиомам поведения, которые обладают по большей части моральным или утилитарным характером, выражающимся через импликацию. Стоит отметить, что подтекстовая информация играет наиболее существенную роль в обоих языках.

В ходе анализа было выявлено, что в русском языке существует большое количество пословиц и поговорок о зависти, однако, они почти все вышли из употребления. В китайском языке, напротив, количество пословиц гораздо меньше, но они все часто употребляются как в письменной, так и в устной речи. Некоторые примеры таких пословиц стали полными эквивалентами слова зависть и употребляются даже в научных текстах. Из этого можно сделать вывод, что китайский народ выражает чувство зависти более открыто, нежели русский.

Так как паремиологические представления о зависти довольно архаизованы и не всегда отражают установки современной языковой картины мира, то для более полного отражения этнического самосознания в работе предприняты попытки исследования реализаций концепта «зависть» при помощи опроса информантов и анализа художественных произведений.

При анализе понятийной составляющей на материале прозаических текстов на русском и китайском языках, были выявлены признаки, не отражаются в лексикографических источниках как русского, так и китайского языков.

Проведя исследование образно-метафорической составляющей концепта «зависть», мы можем утверждать, что в текстах русском и китайском языках широко используются метафоры такие, как растительная, зооморфные, антропоморфная. Понимание зависти в обеих лингвокультурах происходит посредством обращения к цветоощущению. Найдены примеры уподобления зависти разного рода жидкостям, которые пьют или изливают. В обоих языках зависть может становиться причиной душевной боли, терзать, мучить. Зависть соотносится с болезнью и с ее источником.

Проанализировав данные свободного ассоциативного опроса русских и китайских респондентов, нами был сделан вывод, что представление о зависти у современного носителя языка в большинстве случаев соотносится с научным представлением о данном явлении. В любые времена зависть воспринимается как «злоба», «недоброжелание», «ненависть».

В общем результаты проведенного исследования могут являться свидетельством социальной, культурологической и лингвистической значимости концепта «зависть» в русской и китайской лингвокультурах.

К тому же, в ходе проведения работы был подтвержден тезис о том, что «зависть», являясь негативно-маркированным явлением этического ряда, обладает негативной коннотацией и вызывает осуждение у представителей обеих культур. Основные сходства концепта «зависть» в сравниваемых языках проявляются на уровне метафор и паремиологии. Основные различия выявлены в особенностях средств отраженности в языке на уровне значимостной составляющей и объективации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. –608 с.
2. Горбачевич К.С. Большой академический словарь русского языка. – М.: Наука, 2006. – Т. 6. – С. 84–85.
3. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ - ПРЕСС КНИГА. – 736 с.
4. Т.С.Ж.В.Я.Д – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. – М.: «Русский язык», 1982. – Т. 3. – 714 с.; Т. 4. – 699 с.
5. Т.С.Р.Я.О.Ш. – Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. Т.С.У. – Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д. Н. Ушакова в 4 т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1. – 844 с.; Т. 3. – 714 с.

-
7. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 687 с.
 8. С.С.К.Я. 1978 - Словарь современного китайского языка. 丁声树. 现代汉语词典. 商务印书馆, 1978. 1760.
 9. С.С.К.Я. 1996 - Словарь современного китайского языка. 单耀海, 韩敬体. 现代汉语词典. 商务印书馆, 1996. 1870.
 10. С.С.К.Я. 2012 - Словарь современного китайского языка. 江蓝生, 谭景春, 程荣. 现代汉语词典. 商务印书馆, 2012. 1790.
 11. Ся Чжэннун. Море слов. - (夏征农. 辞海. 上海辞书出版社, 2010). - Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2010. – Т.2 – 1034 с.; Т. 4. – 789 с. – 2492 с.
 12. 万森. 成语大词典. 商务印书馆, 2013.1568.
 13. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989. 1137.
 14. 王洪. 古代散文百科大辞典. 北京:学苑出版社, 1997. 1422.
 15. 钱厚生. 中国古代名言辞典. 南京大学出版社, 2010. 562.

Теоретические работы

-
16. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография, М.,1995
 17. Аскольдов С.А. Концепт и значение. – М.: Знание, 1928, - 175 с.
 18. Ахманова О. С. Основы компонентного анализа. – М., 1969. – 149 с.
 19. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
 20. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. — Изд. 2-е, стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с.
 21. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004. -№ 1, с.18-36
 22. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
 23. Василий Великий. Духовные наставления. – М.: Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1998. – 464 с.
 24. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2004. — 192 с.
 25. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 36–44 с.
 26. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. Учебник. –СПб.: Изд-во «МИРС», 2009. -291 с.

-
27. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: Теория и практика. —СПб.: МИРС, 2009. — 292 с.
28. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
29. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002, -477с,
30. Колесов, В. В. Язык и ментальность: монография. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. - 237 с.
31. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
32. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производных национальных менталитетов 2-е изд. —М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
33. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. — 327 с.
34. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. Учеб. пособие для филологич. фак. ин-тов. — М.: Высшая школа, 1989. — 216 с.
35. Лихачёв Д. Концептосфера русского языка// Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, №1. — С. 3–9.
36. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода: Концепты. Научные труды Центроконцепта. — Архангельск: 1977. — с. 16–18.
37. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. — М.: Academia, 2001. — 202 с

-
- 38.Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология ЯКМ. – М.: Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–50.
- 39.Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. – М., 1983. – 286 с.
- 40.Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. — Кемерово: ИПК "Графика", 2004. – 386 с.
- 41.Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 408 с.
- 42.Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 192 с.
- 43.Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. -60 с.
- 44.Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 8 – 86 с.
- 45.Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 8 – 86 с.
- 46.Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – 110–122 с.
- 47.Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Наука, 2008 – 176 с.
- 48.Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. —

Волгоград: Перемена, 2004. — 260 с.

49. Соломоник А. Б. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
50. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
51. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
52. Чернейко Л.О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа. – М.: Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1996, № 6. – 20-41 с.
53. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – М.: 1996. - №-3. – 47 с.

Художественная литература

54. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. – Харьков: Книжный клуб "Клуб семейного досуга", 2006. – 397.
55. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. – СПб.: Наука, – Т. 4. – 1998. – 494 с.
56. Горький М. Избранные произведения в 3 т. – М.: Художественная литература, 1976. - Т. 1. - 429 с.; Т. 2. - 557 с.; Т. 3. – 478 с.
57. Замятин Е. И. Мы. – СПб.: Мирь, 2011. – 599 с.
58. Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. – Ташкент: Укитувчи, 1982.

– 606 с.

59. Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 томах – М.: Художественная литература, 1970. – Т. 1. - 766 с.; Т. 2. – 744 с.
60. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. – Л.: Наука, 1977 – 1978. - Т. 2. - 399 с.; Т. 3. - 495 с.; Т. 4. - 448 с.; Т. 5. - 528 с.; Т. 6. – 575 с.
61. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. – СПб: Диля, 2007. – 1151 с.
62. Толстой Л. Н. Война и мир. — М.: Художественная литература, 1983. — Т. 1, Т. 2. – 832 с.; Т. 3, Т. 4. – 799 с.
63. Чернышевский Н. Г. Что делать? – М: Дрофа, 2003. – 446 с.
64. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. – М.: Правда, 1985. – Т. 9. – 528 с.; Т. 10. – 448 с.
65. 刘心武. 刘心武自选集. 云南人民出版社, 2006. 407.
66. 刘禹锡. 刘梦得诗集. 广陵书社, 2013. 180.
67. 司马迁. 史记. 中华书局, 1982. 4126.
68. 朱大可. 文化的焦虑. 东方出版社, 2012. 1000.
69. 沈从文. 沈从文全集. 北岳文艺出版社, 2012. T9. 177, 669.
70. 琼瑶. 水云间. 长江文艺出版社, 2008. 222.
71. 琼瑶. 青青河边草. 长江文艺出版社, 2008. 221.
72. 罗贯中. 三国演义. 人民文学出版社, 2006. 4731.
73. 苏轼. 苏轼词集. 上海古籍出版社, 2013. 146.
74. 老舍. 四世同堂. 北京十月文艺出版社, 2012. 656.

-
- 75.老舍. 骆驼祥子. 南海出版社, 2010. 402.
- 76.苏理立. 风雨黄昏: 李宗仁和胡友松的生死之恋. 北方文艺出版社, 2013. 173.
- 77.茅盾. 子夜. 中国青年出版社, 2013. 499.
- 78.茅盾. 林家铺子. 译林出版社, 2015. 208.
- 79.茅盾. 茅盾文集. 中华工商联合出版社, 2015. 262.
- 80.莫言. 红高粱家族. 人民文学出版社, 1987. 347.
- 81.蒋勋. 生活十讲. 广西师范大学出版社, 2010. 253.
- 82.钱歌川. 钱歌川散文选集. 百花文艺出版社, 2009. 215.
- 83.黄修纪 姚惠棋. 金牡丹, 1987. 253.

Электронные ресурсы

- 84.王 余 杞. 浮 沉. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.cn>, 2015 (Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)
- 85.现代短篇. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.cn> , 2015 (Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)
- 86.现代评论. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.cn> , 2015 (Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)
- 87.老舍. 离婚. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.c> , 2015 (Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)
- 88.老舍. 鼓书艺人. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.cn> , 2015 (Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)
- 89.赵海江. 文艺复兴时期的艺术大师. [DB/OL]. <http://ccl.pku.edu.cn>,1992

(Национальный корпус китайского языка Пекинского университета)